

84(3)

17-64

Беатриса Поттер

Кролик Питер и другие истории

СОДЕРЖАНИЕ

3

Питер Пуш

7

Сказка про Бельчонка Тресси и его хвост

12

Глостерский портной

20

Сказка про Олли Кроллета

24

Сказка про двух нехороших мышей

27

Сказка про пирог с мясом

34

Сказка про мистера Джереми Фишера

37

Сказка про котёнка Тома

40

Сказка про Клару Кряквуд

43

Сказка про Крыса Усача, или Про рулет

49

Пампушата

53

ер и Мурьер

57

ро миссис Мыштон

61

м Коготок

65

росёнок Хью

76

Джонни Горожанина

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»

Беатриса Поттер

Кролик Питер и другие истории

Пересказал Михаил Гребнев

Рисунки Галины Кожемякиной

МОСКВА 1994

ББК 84(4 Вл)
П 64

П 4800000000-006 Без объявления
К94(03)-94

ISBN 5-88539-015-0

© М. Гребнев (пересказ), 1994
© Д. Крупская (перевод стихов), 1994
© Г. Кожемякина (иллюстрации), 1994

Питер Пуш

Жил да был махонький крольчонок Питер Пуш. А сестричек его звали Пышка, Плюшка и Пампушка. Все они жили со своей мамой на пригорке, под корнями большой мохнатой ели.

— Вот что, мои дорогие,— сказала им однажды утром мама, старушка миссис Пуш,— можете пойти погулять по полям или по лесной дорожке, только, смотрите, не ходите в сад мистера Мак-Грегора. Там у вашего папы были большие неприятности: миссис Мак-Грегор запекла его в пирог. Ну, ступайте. И держитесь от беды подальше. А я пошла за покупками.

С этими словами миссис Пуш взяла корзину и зонтик и отправилась через лес в булочную. Там она купила пшеничного хлеба и пять ватрушек.

Послушные крольчата — Пышка, Плюшка и Пампушка — пошли по дорожке собирать чёрную смородину.

А шалунишка Питер поскакал в сад мистера Мак-Грегора! Калитка была закрыта, но он протиснулся под ней.

Он поел салата, пожевал фасоли и взялся за редиску... Вскоре у него раздуло живот, и Питер Пуш потопал искать петрушку. Он знал, что петрушка хороша от тошноты.

Но вдруг за углом огуречного парника блеснули очки мистера Мак-Грегора!

Стоя на четвереньках, мистер Мак-Грегор возился с капустой, но при виде кролика мигом вскочил и бросился на него.

— Держите вора! — крикнул он, грозно потрясая граблями.

С испугу Питер Пуш забыл, где калитка, и отчаянно заметался по огороду. Он потерял туфельки: одну в капусте, другую — под картошкой.

Босиком да на четырёх лапах Питер Пуш бегал гораздо быстрее, конечно, но, к несчастью, налетел на проклятую сетку вокруг крыжовника и застрял, зацепившись пуговицей. На Питере была новая голубая курточка с блестящими медными пуговицами.

Из глаз его хлынули слёзы. На всхлипы Питера прилетели отзвучившие воробы.

— Питер, не плачь! — зачирикали они. — Бросай курточку и беги!

Тут подскочил мистер Мак-Грегор и накрыл Питера огромным ситом. Но Питер Пуш выскользнул — без курточки.

Он влетел в сарай и прыгнул в лейку. В лейке прятаться хорошо... Но она оказалась полной, и Питер Пуш сидел по уши в холодной воде.

Мистер Мак-Грегор понял, что Питер в сарае.

«Ясно, спрятался под цветочным горшком», — решил он. Горшков было много. Стояли они пустые, вверх дном, так что мистер Мак-Грегор стал быстро переворачивать их один за другим.

А Питер Пуш так озяб, что у него зачесалось в носу.

— Ап-чхи! — чихнула вдруг лейка. Мистер Мак-Грегор бросился к ней, однако Питер успел выскочить.

Мистер Мак-Грегор наступил было Питеру на хвост, но кролик вырвался и выпрыгнул в окошко, сбив при этом три горшка с цветами. Для мистера Мак-Грегора окошко было маловато... Да и устал он от беготни. Так что мистер Мак-Грегор прекратил погоню и занялся делами.

А Питер Пуш присел перевести дух. Он был мокрый, запыхался, дрожал от страха и не знал, куда бежать дальше.

Передохнув, Питер Пуш тихонько запрыгал, ища калитку,— пугливо шевеля ушами и озираясь по сторонам.

Он наткнулся на какую-то дверь в кирпичной стене сада, но дверь оказалась заперта, а под ней толстячку Питеру было не пролезть.

Старенькая мышинная бабушка сновала под дверью туда-сюда, таская бобы и горох внучатам в лес. Питер Пуш спросил её, где калитка, но мышь волокла в зубах такую громадную горошину, что не могла вымолвить ни слова. Лишь мотнула головой. Питер опять расплакался.

Потом он поскакал через сад напрямик, но заблудился ещё больше.

Он вышел к пруду — сюда мистер Мак-Грегор обычно ходил за водой: на берегу стояла пустая лейка, а рядом замерла белая кошка, хищно глядя на золотых рыбок и изредка поводя кончиком хвоста. Питер Пуш решил не тревожить её: про кошек он слышал достаточно от кузена — Олли Крол-лета.

Питер Пуш вернулся к сараю, но вдруг совсем рядом услышал тятку: бряк, тят-тят,

бряк. Питер юркнул под капустный лист. Однако всё вокруг было спокойно, и он вскоре вылез, потом запрыгнул в тачку и осторожно выставил уши над бортиком. И тотчас увидел мистера Мак-Грегора, который пропалывал грядку с луком. Мистер Мак-Грегор был спиной к Питеру, а прямо за ним виднелась калитка!

Питер Пуш тихонько спрыгнул с тачки и пулей пронёсся по садовой дорожке под смородиной. Мистер Мак-Грегор заметил его уже у калитки, но было поздно. Питер прошмыгнул под ней и скрылся в лесу.

А мистер Мак-Грегор подобрал его курточку и туфельки и устроил пугало — отпугивать чёрных дроздов.

Питер Пуш ни разу не остановился и не оглянулся, пока не влетел в норку под большой мохнатой елью.

Он так устал, что сразу плюхнулся на мягкий песок и закрыл глаза.

Тем временем миссис Пуш тушила морковные котлеты.

— Ну, Питер, растеряха! — ворчала она. — И недели не прошло, а ты уже посеял вторую курточку и вторую пару туфель!

Вечером у Питера заболел животик: он объелся и ещё простыл. Миссис Пуш уложила его в постель и заварила ромашку. И дала Питеру — как велел доктор — «столовую ложку на ночь».

А Пышку, Плюшку и Пампушку ждали на ужин горячие плюшки, пышки, пампушки и сладкие ватрушки. Пышка ела плюшки, Плюшка — пампушки, а Пампушка — ватрушки... Но кто же тогда съел все пышки? Долго крольчата не гадали, они быстро запутались и уснули.

Сказка про бельчонка Тресси и его хвост

Жил да был весёлый бельчонок Тресси. У него было много сестриц и ещё братик Чоппи. Жили они все у лесного озера, посреди которого располагался остров Ухнет, густо поросший орешником.

Там, в дупле Большого дуба, жил утрюмый филин — мистер Гук. Он был хозяином острова: днём дремал, а по ночам ухал и гукал.

Однажды осенью, когда листья стали золотыми и орехи созрели, Тресси и Чоппи с сестрицами вышли из леса на берег.

Из прутьев они связали маленькие плоты и столкнули на воду.

Белки запаслись мешками, вооружились длинными вёслами и поплыли на остров Ухнет за орехами. Пушистые хвосты они распустили как паруса.

Причалив к острову, белки тотчас направились к Большому дубу. Они несли мистеру Гуку подарки — трёх толстых мышей.

— Позвольте набрать орехов у вас на острове, дедушка! — низко кланяясь, обратились к старику сестрицы и братик Чоппи.

В знак согласия филин закрыл глаза. А Тресси без всякого почтения прыгал, помахивал хвостом и напевал:

*Сказка — не загадка,
Вздор — не чепуха.
Круглый человечек,
Веточка — рука,
Красная одежда,
Камешек во рту,
Разгадай загадку
Эту или ту!*

Утрюмый Гук не умел разгадывать загадки, даже такие простые, как про вишенку. Он закрыл глаза и задремал. А белки набили мешки орехами, перетаскивали их на плоты и вечером пустились в обратный путь.

Но поутру снова приплыли белки на остров Ухнет. В

этот раз привезли они вкусного жирного крота и положили на камень — у дверей хозяйского дома.

— Мистер Гук,— попросили вежливо сестрицы и братик Чоппи.— Можно нам ещё пособирать орехов?

А Тресси всё шалил — без малейшего уважения к старику. Он щекотал сонного мистера Гука *крапивою* и напевал, приплясывая:

*Злюка Колюка сидит за забором,
Злюка Колюка гуляет за бором.
Лучше Колюку не трогай рукой,
Даже если ты смелый такой.*

Мистер Гук очнулся и втащил кротовую тушу в дом, сильно хлопнув дверью. Скоро из верхнего дупла пошёл дым; угрюмец развёл огонь в очаге. На обед он решил съесть тушёного крота. А Тресси подглядывал в щелку и напевал:

*Он и в доме, и на крыше,
Он и там, и сям, и выше.
Набери его в ладошки —
Не увидишь в них ни крошки.*

Белки бегали по веткам и сыпали орехи в пузатые мешки. А Тресси наткнулся на круглые чернильные орешки и стал играть в шарики.

На третий день белки встали до рассвета и ношли на рыбалку. И для угрюмого деда поймали семь славных пескарей!

Затем все погрузились и с попутным ветром поплыли на остров Ухнет. И вскоре причалили под кривым каштаном.

Каждая из сестриц несла по пескарю. И братик Чоппи тоже. А озорник Тресси не приготовил подарка. Он скакал впереди, напевая:

*Спросил меня голос
В пустыне дикой:
— Много ли в море
Растёт земляники?
— Столько же, сколько
Селедок солёных
Растёт на берёзах
И елках зелёных*.*

* Перевод С. Маршака

Но угрюмый Гук любил во всём ясность — загадки и прочая чепуха его только раздражали.

На четвёртый день белки принесли угрюмцу Гуку шесть чёрных жуков, похожих на спелые сливы. Жуки были тщательно завернуты в листья щавеля, и каждый листок был заколот сосновой иголкой.

А Тресси завёл новую песенку:

*Чёрные как сливы летят-гудят,
Идут-бредут куда глаза глядят.
Чёрные как сливы сели на крылечко.
Разгадай загадку — подарю колечко.*

Это было глупо: ведь Тресси не принёс старику никакого кольца! Белки суетливо трудились в орешнике, а Тресси играл с дикими сливами. На пятый день белки привезли мистеру Гуку мёд. И пришлось им вылизывать себе липкие лапы. А мёд они украли у пчёл на горе. А Тресси скакал и напевал:

*На лесной опушке
Приземлились хрюшки,
Жёлтые брюшки,
Дидл-дин-дон!*

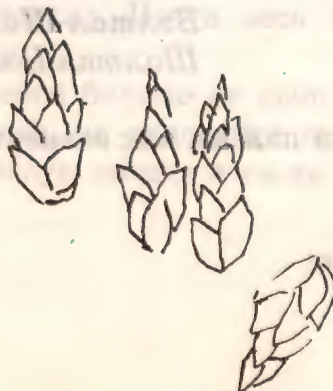
*В поле у тропинки
Прожужжали свинки,
Жёлтые спинки,
Дидл-дин-дон!*

*Полосатые брюшки,
Полосатые спинки.
Что это за хрюшки?
Что это за свинки?*

Мистер Гук угрюмо отвернулся от шалуна. Зато мёд сразу съел.

Братик Чоппи и сестрицы белки крутились в орешнике — набивали мешки.

А Тресси играл в кегли — выстраи-

вал в ряд зелёные шишки и спибал диким яблоком.

На шестой день, в субботу, белки приплыли в последний раз. Сестрицы и братик Чоппи несли плетёную корзину со свежим яйцом — прощальный подарок утрюмцу.

А Тресси скакал впереди с песенкой:

*Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.*

*Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может Шалтая,
Не может Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать!**

Тресси скакал и плясал, как солнечный зайчик, а мистер Гук хранил утрюмое молчание.

* Перевод С. Маршака

Мистер Бумли Труляля
Спал на троне короля,
На ковровой на дорожке,
На спине придворной кошки,
На портрете королевы,
На стене — на той, что слева.
И на той, что справа,— тоже.
Ну на что это похоже?

И вскричал король: «Доколе!?»
И «Оставь меня в покое!»
Засмеялся Труляля:
«Нет такого короля,
Чтобы мной повелевал!»
...Но под вечер он пропал.

Множество песенок-загадок помнил Тресси:

Тень-Вертенъ сорвал плетенъ,
Куролесил целый день.
Не сдержать его напор
Королю шотландских гор.

Как ветер, свистнул Тресси и вдруг прыгнул деду на макушку!
— Ух! — сказал мистер Гук и хлопнул крыльями. Кто-то жалобно пискнул..
Сестрицы и братик Чоппи попрятались в кустах.
Несколько минут спустя они с опаской выглянули и видят: угрюмый Гук преспокойно дремлет у себя на пороге, будто ничего и не было.
Но куда подевался Тресси?

А Тресси сидит в жилетном кармане мистера Гука!
Но на этом сказка не кончается.

Угрюмый Гук приволок Тресси домой и — ух! — ухватил бельчонка за хвост, чтобы содрать шкуру. Но Тресси вырвался, взлетел по лестнице и выскокил через дымоход. Почти весь хвост остался в лапах угрюмца.

Песенок Тресси больше не поёт. И если увидите на ветке Тресси, не задавайте ему загадок. А то сорвёт он тяжёлую шишку и ка-ак треснет вам по макушке!

Глостерский портной

*Что ж, зеркало придется покупать
Да завести десятка два портных*.*

Давным-давно, ещё когда благородные господа носили шпаги, парики, длиннопольные сюртуки и кружевные манжеты, в Глостере жил портной.

От утра до темна он сидел, поджав под себя ноги, у окна маленькой мастерской на Вестгейт-Стрит.

Весь день, пока было светло, он шил и кроил — кроил атлас, парчу и люстрин — ткани имели странные названия в то время и стоили очень дорого.

И, хотя он обшивал соседей в шелка, сам был очень, очень беден — маленький старичок в потёртой одежде со скрюченными пальцами и острым личиком в очках.

Он кроил сюртуки точно по выкройке, без остатка, — на столе лежали только крохотные кусочки и обрезки.

— Эти обрезки ни на что не годятся, разве на жилеты для мышей, — приговаривал портной.

Однажды в холодный день под Рождество портной приступил к важной работе. Сам мэр Глостера заказал ему тёмно-красный шёлковый сюртук с цветочным узором и оранжевый атласный жилет, отделанный газом и зелёным шерстяным шнурком — синелью.

Портной работал и работал и разговаривал сам с собой. Он отмерял шёлк, поворачивал его туда-сюда и вырезал по выкройке портновскими ножницами.

Стол был усыпан обрезками тёмно-красного шёлка.

— Ни на что не годятся эти обрезки, больно мелкие. Разве для мышей на пелеринки и чепчики. Да, на мышиные пелеринки и чепчики! — повторил Глостерский портной.

Когда снежинки, затемняя свет, стали садиться на свинцовые стёклышки в

* Из пьесы Шекспира «Ричард III» (в переводе А. Радловой). Ричард III, король, ранее — герцог Глостер.

окольном переплётё, портной закончил дневную работу. Шёлк и атлас был скроен и лежал на столе.

Всего было двенадцать кусков ткани на сюртук, четыре куска на жилет, клапаны для карманов, манжеты и подбор пуговиц. Для сюртука на подкладку лежала тонкая жёлтая тафта. Для обмётки петель жилета были приготовлены кручёные шёлковые нитки — гарус. Всё было вымерено и всего хватало, не доставало только мотка тёмно-красного гаруса.

В мастерской портной обычно не ночевал. В сумерки он вышел на улицу, запер окно, дверь и положил ключ в карман. В мастерской никого не осталось, кроме бурых мышей. Впрочем, они не пользовались ключами.

Дело в том, что в стенах всех глостерских домов скрывались потайные дверцы и маленькие лестницы. Мыши перебегали из дома в дом по длинным подземным ходам, опутавшим весь город.

Падал снег. Портной запер мастерскую и заковылял домой. Он жил рядом с Зелёным Колледжем в маленьком домике. Он был так беден, что не мог платить даже за маленький дом и снимал только кухню.

Вместе с ним жил кот, которого звали Мурвел. Днём, когда портной уходил на работу, кот присматривал за домом. При всей своей любви к мышам, Мурвел не давал им атласа на сюртуки.

— Мурр? — спросил кот, когда портной открыл дверь. — Мурр?

— Послушай, Мурвел, — сказал портной, — очень скоро мы станем богаты. Нынче же я нищий. Гляди — вот серебряная монета. Это четыре пенса — всё, что у нас осталось. Держи. На первый пенс купи хлеба, на второй — молока, на третий — колбасы. А на четвёртый, последний, — купи моток тёмно-красного гаруса. Но если ты посеешь четвёртый пенс, Мурвел, я погиб. Потому что у меня КОНЧИЛСЯ ГАРУС.

— Мурр! — пообещал Мурвел, взял монету, фаянсовый горшочек для молока и вышел на тёмную улицу.

Портной ужасно устал. К тому же его лихорадило. Он сел у камина, поставил ноги к огню и принялся бормотать себе под нос:

— Глядишь, и в самом деле будем богаты, будем кроить наискосок, у мэра будет свадьба рождественским утром, мэр заказал сюртук и жилет с вышивкой, будет ему и подкладка из жёлтой тафты — да, тафты хватило как раз, в обрезках не больше, чем на мышьи пелеринки...

Вдруг портной вздрогнул. Из кухонного шкапа слышались загадочные звуки:

— Тип-тип, тук-тук, тип-тип!

— Это ещё что такое? — воскликнул Глос-

терский портной, вскочив со стула. Шкап был уставлен горшками, тарелками с китайским рисунком, чашками и кружками.

Портной подошел к шкапу и замер, напряжённо прислушиваясь. Через минуту из-под чайной чашки раздались те же забавные звуки:

— Тип-тип, тук-тук, тип-тип!

— Что за чудеса? — подивился Глостерский портной и задумчиво поднял перевёрнутую чашку.

Под ней оказалась — в светлом платье, переднике и чепчике — настоящая мышиная леди, которая тут же сделала портному реверанс! Потом она соскочила со шкапа и скрылась за потайной дверцей в стене.

— Ну и ну! — промолвил портной. — Значит, мыши и в самом деле одеваются в мои обрезки. И притом отлично шьют!

Он опять сел к огню погреть застывшие пальцы, бормоча про себя:

— Кроим оранжевый атлас на жилет, вышиваем розы тамбуром — понадеялись на кота, дали ему последнюю монету на тёмно-красный гарус — гарусом обметаем двадцать одну петлю...

Тут из шкапа опять раздались звуки:

— Тип-тип, тук-тук, тип-тип!

— Просто чудеса! — воскликнул Глостерский портной и приподнял ещё одну чашку.

Из-под неё в голубом сюртуке и треугольной шляпе выглянул маленький мышиный джентльмен и изящно поклонился портному.

Теперь уже весь кухонный шкаф затикал, затукал, заворошился:

— Тип-тип, тук-тук, тип-тип!

Из-под чашек, ваз и мисок являлись мыши, облачённые в сюртуки и шляпы, платья и пелеринки; они спрыгивали на пол и скрывались за крохотной дверцей в стене.

— Да-да, шьют отлично, и притом со вкусом, — признал

портной. Он опять сел в кресло у камина и сокрушённо уставился на огонь.

— Сегодня вторник, в субботу утром всё должно быть готово. Осталась двадцать одна петля, двадцать одна, двадцать одна... Загляделся на шляпы и пелеринки, всех мышей упустил! А надо было половить, для Мурвела... Мурвел осерчает... Жить нам не на что... Беда, беда... Кончился гарус!

Мыши снова вышли и прислушались к бормотанию портного. Они заметили выкройку для куртука и зашептались про подкладку из тафты, пелеринки и чепчики.

Потом они все вместе бросились к потайным дверцам и с писком понеслись по мышиным ходам. Когда ухнул дверью Мурвел, на кухне уже не осталось ни одной мыши!

— Мурр-брр! — выругался Мурвел, сбрасывая сапоги и шубу. Он терпеть не мог снега, а снег забился ему в уши и за шиворот. Хлеб, колбасу и молоко в горшочке он поставил на шкаф и принялся.

— Мурвел, — с тревогой спросил портной. — Где мой гарус?

Кот ничего не ответил. «Чего бы я хотел на ужин, — подумал Мурвел, — это небольшую жирную мышь». Особенно внимательно он обнюхал подозрительные чайные чашки.

— Мурвел, — уже со страхом повторил портной, — где мой ГАРУС?

Мурвел незаметно спрятал какой-то свёрточек в заварочном чайнике и зарычал на портного:

— Мыр-мырр, мыррш! — что означало: «Где моя МЫШЬ?»

— Увы, не бывать мне богатым, я вконец разорён! — воскликнул Глостерский портной и чуть не плача лёг в постель.

Всю ночь напролёт Мурвел искал на кухне мышей, он заглядывал в ящики, за шкаф и в тот чайник, в который упрятал гарус, но ни одной мыши не нашёл.

Когда портной заговаривал во сне, Мурвел отвечал ему:

— Пшш-мрла! — Мурвел испускал и другие загадочные и страшные звуки — как обычно кошки по ночам.

Несчастный портной тяжело заболел, его трясла лихорадка, он кашлял и ворочался в постели, бормоча во сне:

— Кончился гарус, кончился гарус!

Три дня он не вставал с постели. А в мастерской на столе лежал скроенный атлас и шёлк. Выручить портного могли только мыши. Они были благодарны ему за обрезки, которые он оставлял им на пелеринки и чепчики. К тому же мыши не пользовались ключами: запоры на дверях и окнах им не мешали...

По заснеженным улицам люди шли на рынок покупать гусей, индеек и рождественские пироги. А у хозяина Мурвела не было денег на рождественский обед.

Три дня проболел портной. Наступил сочельник, был поздний вечер. Над крышами и печными трубами встала луна. Окна погасли, в тишине спал покрытый снегом город.

А Мурвел всё искал мышей и не находил. В этом он винил портного. Он даже подошёл к постели больного и принялся фыркать на спящего.

Когда соборные часы пробили полночь, им ответило загадочное призывное эхо. Мурвел услышал и сразу выбежал на улицу побродить по снегу.

Первыми из птиц в волшебный час проснулись петухи и закричали:

*Эгей, проснись, красотка,
Пора печь пироги!*

— Ой-ля-ля! — вздохнул Мурвел.

В старинных сказках звери и птицы разговаривают в ночь на Рождество. Но люди всё равно ничего не слышат.

На крышах и чердаках множество весёлых голосов пело старинные рождественские песенки. В чердачных оконцах вспыхнули огоньки, раздалась танцевальная музыка. С крыши на дорогу сбежало несколько кошек.

— Ох, тили-тили! — опять вздохнул Мурвел. — Всех кошек помыли, всех глостерских кошек, кроме меня!

Под деревянными карнизами скворцы и воробьи пели про рождественские пироги, на соборной башне проснулись галки, пели даже дрозды и малиновки, щебечущая музыка наполняла воздух.

Всё это только раздражало голодного Мурвела.

Особенно его сердили какие-то пронзительные голоса, которые раздавались непонятно откуда. Видимо, это пищали летучие мыши, а такие голоса у них были от мороза:

*Кто таскал из кухни сало,
У того хороший слух.
— Зу-зу-зу! — пчела сказала.
— Жумм! — ответил синий мух.

— Где вы, где вы, мисс Дремаус? —
Окружал жужливый звон.
— Кто вас слопал, мисс Дремаус?
— Он! Он! Он!*

Мурвел повертел головой, чтобы вытрясти зуд из ушей.

Из окна мастерской на Вестгейт-Стрит шёл свет. Мурвел подошёл к окну и осторожно заглянул.

В комнате горело множество свечей, щёлкали ножницы, громко и весело пели мышиные голоса:

*Однажды двадцать пять портных
Вступили в бой с улиткой.
В руках у каждого из них
Была иголка с ниткой.*

*Но еле ноги унесли,
Спасаясь от врага,
Когда завидели вдали
Улиткины рога*.*

Тут же мыши начали новую песню:

*Просо, яйца и сметану
Размешай одной ногой,
Положи в дупло каштана
На часок-другой.*

— Мур-мур! — вмешался Мурвел и стал скрестись в дверь. Открыть он не мог: ключ остался у портного под подушкой.

Мыши только хохотнули и принялись за другую песню:

*Три маленькие мышки штопали штанишки,
Миссис Пусси, кошка, глянула в окошко:
— Чем это вы заняты, милые друзья?
— Очень мы тут заняты, и к нам сюда нельзя.*

* Перевод С. Маршака.

— Можно, мяу, у огня рядышком прилечь?

— Ах, мадам, надо нам — головы беречь!

— Мяу-мяу! — крикнул Мурвел.

— Чао-какао! — ответили мыши.

Напялили торговцы сверкательный наряд,

Как brave гусары гусарят на парад.

Шелковые фалды, ворот золотой —

Вот и стал героем лавочник простой!

Они отбивали такт напёрстками. Песни не нравились Мурвелу, и он гневно фыркал под дверь.

Купил я на полпенни

Овсяное печенье,

Копчёную корейку,

Сиреневую лейку,

Горшочек и хлопущку,

Половник и петрушку,

Полковника и пушку

И домик у реки.

— Ищите на шкапу! — бестактно добавили мыши.

Мурвел поскрёбся в окно. Мыши вскочили на ноги и закричали щебечущими голосами:

— Кончился гарус! Кончился гарус! — И закрыли ставни на запоры.

Но сквозь щели всё равно было слышно, как позвякивали напёрстки и то и дело тоненький голосок выкрикивал:

— Кончился гарус! Кончился гарус!

Мурвел оставил мастерскую и пошёл домой, глубоко задумавшись.

Лихорадка отпустила несчастного больного, и портной мирно спал.

Мурвел на цыпочках подошёл к шкапу, вынул свёрточек с шелковым гарусом из заварочного чайника и положил его в изголовье спящему. Он понял, что добрые мыши спасают портного от нищеты, и устыдился своей недоброй выходки.

Когда утром портной проснулся, он сразу увидел моток тёмно-красного гаруса на лоскутном одеяле. А на стуле, склонив покаянную голову, стоял Мурвел.

— Плохо быть бедным, — вздохнул Глостерский портной, — но зато теперь у меня есть гарус!

Портной встал, оделся и вышел на улицу. Мурвел бежал впереди, снег искрился от солнца.

Насвистывали скворцы, щебетали дрозды и малиновки. Но слов было уже не разобрать.

— Увы,— сказал портной,— теперь у меня есть гарус, но уже поздно браться за сюртук. На работу не осталось времени. Мэр женится в полдень — ведь сегодня как раз Рождество.

Он отпер дверь маленькой мастерской на Вестгейт-Стрит, и Мурвел сразу же бросился внутрь: он всё-таки хотел поймать мышку. Но там не было ни одной мыши. Пол был тщательно подметён, кусочки ниток и мелкие обрезки — убраны.

А на столе — портной даже вскрикнул от радости — там, где он оставил лишь выкройку, теперь он увидел великолепно сшитый сюртук и подходящий мэру жилет.

На обшлагах сюртука сияли розы и анютины глазки, а на жилете светились маки и васильки.

Вся работа была завершена, недоставало одной-единственной тёмно-красной петли. На её месте был приколот клочок бумаги, а на нём написано крохотными буквами:

С того дня к Глостерскому портному пришла удача. Он разбогател, а заодно и растолстел. Он стал шить для всех благородных и богатых людей в Глостере и округе.

А какие чудесные он делал манжеты, какие дивные узоры вышивал на обшлагах и лацканах! Но особенно поражали петли.

Стежки на петлях были такие мелкие, что даже не верилось, как они могли получаться у старика со скрюченными пальцами, да ещё в очках.

Очень мелкие были стежки на петлях, просто мышиные!

Сказка про Олли Кроллета

Жил да был крохотный крольчонок. И звали его Оливер Кроллет.

Однажды утром Олли сидел на пригорке и насторожённо поводил ушами, прислушиваясь к цоканью пони.

По дороге катилась двуколка. Ею управлял мистер Мак-Грегор, а рядом с ним сидела миссис Мак-Грегор в своей самой лучшей шляпке.

Едва они проехали, маленький Олли спрыгнул на дорогу и поскакал к своим родным, которые жили за садом мистера Мак-Грегора, в лесу.

Множество норок вырыли кролики в том лесу! В самой чистой и уютной жила тётушка Оливера, его кузины Пышка, Плюшка и Пампушка, а также кузен Питер.

Старушка миссис Пуш была вдовой и зарабатывала на жизнь вязанием. Она вязала из кроличьей шерсти пушистые муфточки и варежки (как-то раз я купила на рынке пару таких варежек). А ещё у неё была лавка под вывеской «ЧАЙ и ТАБАК». Там она продавала травы, розмариновый чай и душистый кроличий табак, который мы называем лавандой.

Олли Кроллет не очень хотел видеть тётушку. Он побежал вокруг дома миссис Пуш и позади мохнатой ели чуть не грохнулся Питеру на голову.

Питер одиноко сидел и грустил, зябко кутаясь в красный носовой платок.

— Питер,— прошептал маленький Олли,— кто же теперь носит твою курточку?

— Садовое пугало мистера Мак-Грегора,— печально ответил Питер и поведал, как едва унёс ноги от грозного мистера Мак-Грегора с граблями и как растерял туфельки и курточку.

Олли Кроллет присел рядом и рассказал кузену, что мистер Мак-Грегор вместе с женой укатили в двуколке — и, конечно, на весь день, потому что на миссис Мак-Грегор красовалась её лучшая шляпка.

— Вот бы дождик пошёл,— вздохнул Питер,— и промочил бы их получше!

Тут из норки раздался голос старушки миссис Пуш:

— Плюшка! Плюшка! Сбегай за ромашками!

Питер всё грустил, но потом сказал, что, может, стоит прогуляться.

Кузены взялись за руки и пошли по лесной тропинке. И вскоре оказались у кирпичной стены, окружавшей сад мистера Мак-Грегора. Крольчата влезли на ограду и увидели пугало в голубой курточке и туфельках Питера. А ещё на пугале был берет с помпоном, собственный берет мистера Мак-Грегора.

— Джентльмены не лезят под калиткой, рвётся одежда,— сказал Олли Кроллет.— Если кому надо в сад, принято спускаться по груше.

Питер Пуш сорвался с груши и брякнулся головой оземь, но ушибся не сильно. Земля была мягкая, вскопанная.

Широкая грядка была засеяна салатом.

Множество крохотных следов оставили крольчата! И особенно маленький Олли — на нём были деревянные башмачки.

Потом маленький Олли подошёл к пугалу и решительно взялся за курточку Питера.

— А платок,— сказал он,— нам ещё пригодится.

Они сняли с пугала курточку и туфельки Питера. Ночью шёл дождь, поэтому из туфелек потекла вода, а курточка будто скукожилась.

Олли игриво примерил шапочку — беретик был ему велик.

— Давай в этот платок наберём луко-

вок и отнесём гостинцы тётушке,— весело предложил маленький Олли.

Но Питер даже не улыбнулся, ему то и дело чудились какие-то тревожные звуки.

А маленький Олли радостно уплетал салатный лист. Он сказал, что вместе с отцом, старым мистером Оливером Кроллетом, частенько захаживал сюда за салатом для воскресного обеда. И в самом деле, салат оказался вкусным на диво.

Но Питер есть не стал.

— Мне ничего не хочется,— сказал Питер Пуш,— только домой. И лук у меня рассыпался.

— Ладно,— сказал маленький Олли.— Пошли домой. Но с этим ворохом луковиц мы не залезем на грушу.

И он храбро потопал напрямую через сад. Они шагали по дощатой дорожке под стеной из красного кирпича, освещённой ярким солнцем. На ступеньках мышкиного дома сидели мышата и грызли вишнёвые косточки. Они хитро перемигнулись, будто скрывали от крольчат какую-то тайну.

Тут Питер Пуш опять рассыпал луковки. Ушастики собрали их и снова завязали в платок.

Вскоре они вышли к цветочным горшкам, рамам и кадushкам. Теперь тревожные звуки слышались Питеру ещё отчётливей. Глаза его стали круглыми и большими — как леденцы!

Он был всего шага на два впереди кузена и вдруг замер.

За углом крольчата увидели *страшенного* кота! Кота звали Марк.

Питер с кульком и Олли тотчас юркнули под большую корзину...

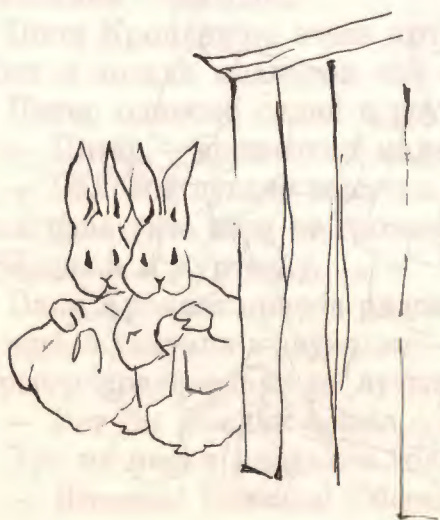
А кот почесал за ухом, встал, потянулся, подошел к корзине и обнюхал её:

— Муррлук!

Видно ему понравился запах лука. Во всяком случае, он уселся на корзину.

Так он просидел ПЯТЬ ЧАСОВ.

Нельзя нарисовать Олли и Питера под корзиной, потому что там было темно и ужасно пахло луком, отчего крольчата всё время плакали.

За лесом село солнце, настал вечер, а кот Марк всё дремал на корзине. Вдруг послышался лёгкий топоток, и с кирпичной стенки осыпалась извёстка. Марк поднял голову: по стенке верхней террасы прогуливался старый мистер Оливер Кроллет.

Он нервно курил трубку душистого кроличьего табака, а за спиной держал прутик. Он искал сына.

Старый мистер Оливер Кроллет был весьма невысокого мнения о кошках. Докурив трубку, он решительно прыгнул на кота, сдёрнул его за хвост с корзины и ударом ноги зашвырнул в теплицу.

Ошеломлённый Марк даже не царапался.

Загнав кота в теплицу, мистер Оливер Кроллет запер дверь.

Потом он вернулся к корзине, вытащил за уши своего сына Олли и высек прутиком.

Точно так же он поступил с племянником, Питером Пушем.

Потом он вытащил кулёк с луковками и зашагал к выходу из сада.

А мистер Мак-Грегор, когда вернулся, ломал голову над загадками.

Кто-то в деревянных башмачках оставил множество следов... Но кто же был этот крохотный сударик?

И ещё никак не понять, как — сидя в теплице, *внутри* — можно запереть дверь *снаружи*...

Когда Питер пришёл домой, мама больше не сердилась. Она обрадовалась, что нашлись туфельки и курточка. Питер с Плюшкой аккуратно сложили носовой платок, а старушка миссис Пуш связала тесёмкой луковки и подвесила к потолку среди пучков лесных трав и листьев душистого кроличьего табака.

Сказка про двух нехороших мышей

Жили-были куклы Люсинда Кукль и Джейн Повари. У них был прекрасный кукольный дом с трубой, со стенами из красного кирпича и с настоящими муслиновыми занавесками на окнах.

Джейн была поварихой у Люсинды, но никогда не готовила. Она покупала готовые обеды в коробках со стружками.

В коробках — вместе с тарелками — были красные крабы, ветчина, рыба, пироги, груши и апельсины. Эти яства были так прочно приделаны к тарелкам, что не оторвёшь. Но выглядело всё очень красиво.

Как-то утром Люсинда Кукль и Джейн Повари выехали на прогулку в кукольной коляске. В детской никого не осталось. Вдруг в тишине послышалось шуршание у камина, там, где под плинтусом скрывался мышиный ход.

Из-под плинтуса высунул голову мышонok и спрятался опять. Мышонка звали Камамберри.

Чуть позже высунула нос его жена Скреберта. Увидев, что в детской никого нет, она спустилась на подстилку, где стоял ящик для угля.

Кукольный дом находился по другую сторону камина. Камамберри и Скреберта осторожно пробрались по каминному коврику и толкнули входную дверь — она была не заперта.

Поднявшись на второй этаж, они загля-

нули в гостиную и радостно запищали: на столе было разложено много вкусной еды! И ещё на белой скатерти лежали жестяные ложки, вилки и ножи. А у стола стояли два кукольных стула.

Камамберри и Скреберта уселись за стол, Камамберри взял нож и вилку и начал резать ветчину. Но нож соскочил и полоснул его по пальцу. Камамберри сунул палец в рот.

— Твёрдая какая-то ветчина, видать недоваренная. Поди порежь сама.

Скреберта встала на стул и рубанула по ветчине другим ножом.

— Надо думать, совсем застарелая, — недовольно промолвила Скреберта.

Тут ветчина выскочила из тарелки и покатилась под стол. Скреберта наклонилась за ней.

— Оставь её, — сказал Камамберри. — Дай мне лучше рыбы.

Скреберта пододвинула к себе рыбу и ткнула в неё ложкой — раз, другой, третий, но всё напрасно: рыба не отлипала от тарелки.

Тут Камамберри рассердился. Он взял совок для угля, поставил ветчину на пол, и совком по ветчине — хрясь! хрясь! Ветчина разлетелась на мелкие кусочки — оказалось, она была гипсовой и лишь сверху покрыта блестящей краской.

Камамберри и Скреберта ужасно разозлились. Они расколошматили пирог, перебили крабов, раскрошили груши и апельсины.

Рыбу никак не удавалось отодрать от тарелки, тогда они пошли на кухню и положили её на нарисованное пламя в очаге. Но рыба гореть не хотела.

Камамберри решил проверить, как работает кухонный дымоход. Он поднялся по нему до самой крыши, но нигде не заметил сажи.

Пока Камамберри лазил на трубу, Скреберту постигло ещё одно разочарование. Она нашла жестяные коробочки с надписями РИС, КОФЕ, САГО, а внутри оказался только бисер.

Теперь мыши совсем разбуянились, особенно Камамберри. Он выволакивал одежду Джейн из шкафа в её спальне и выбрасывал из окна верхнего этажа.

Но Скреберта была бережливой от природы. Когда она стала вытряхивать пух из подушки Люсинды, ей пришло в голову, что ей самой нужна мягкая постель.

Вместе с Камамберри они вынесли подушку из дома и поволокли её по каминному коврику к плинтусу. С большим трудом им удалось пропихнуть её в мышиный ход.

Потом Скреберта сбегала за стулом, картонкой для книг, клеткой с попугаем, зеркальцем и другими мелочами. Картонка с клеткой в мышиный ход не проходили.

Тогда Скреберта оставила их позади угольного ящика и пошла с Камамберри за

люлькой. Перетащив люльку, муж с женой взвалили на плечи последний стул и половую щётку. Вдруг снаружи послышались голоса. Мыши юркнули под плинтус, а в детскую вошли куклы.

Что за картина открылась перед глазами Джейн и Люсинды! Люсинда опустилась на перевёрнутую плиту и в отчаянии уставилась перед собой. Джейн с грустной улыбкой прислонилась к буфету. Никто из них не проронил ни слова.

Картонка для книг и клетка с попугаем нашлись за угольным ящиком, но Скреберта утащила люльку и кое-что из одежды Люсинды.

Ещё Скреберта обзавелась сковородками, горшками и прочей кухонной утварью.

— Мне нужна кукла в форме полицейского, — сказала девочка, хозяйка кукольного дома.

— Ладно, будет у тебя полицейский, — пообещала няня. — А в помощь ему мы поставим мышеловку.

Вот и вся сказка про двух нехороших мышей. Впрочем, не такие уж они и нехорошие, потому что Камамберри заплатил за всё, что переломал.

Под каминным ковриком он нашёл погнутой шестипенсовик, и в ночь на Рождество они со Скребертой засунули его в чулок Люсинды — куклам в подарок.

Кроме того, каждое утро, пока ещё никто не проснулся, Скреберта со своей щёткой и совком приходит подметать в кукольном доме.

Сказка

про пирог с мясом

Жила-была кошка Мери. Она дружила с Герцогиней Датчесс, собачкой. Однажды Мери решила пригласить подругу к чаю — чай в Англии всегда пьют в пять часов.

О приглашении к чаю Датчесс узнала из письма.

«Дорогая Герцогиня! — писала Мери. — Я хочу пригласить тебя к чаю. Пожалуйста, приходи и не опаздывай. Тебя ждёт замечательное угощение. Я испеку пирог на особом блюде для пирогов, на блюде с розовой каймой. Пирог будет такой, что пальчики оближешь. И весь ты съешь сама! А мне ничего не надо: я пожую булочки».

Герцогиня сразу же села писать ответ.

«Большое спасибо за приглашение. Я приду непременно. Буду в четверть пятого. Но какое удивительное совпадение! Я как раз собиралась позвать тебя на ужин и предложить тебе что-то восхитительное.

Пожалуйста, не беспокойся, я приду вовремя, — писала Герцогиня. А в конце прибавила: — Хочется думать, что это не мышатина».

Поразмыслив, она решила, что так писать невежливо. Тогда она зачеркнула «мышатину» и сверху надписала другие слова. У неё получилось: «Хочется поскорее сесть за стол». В таком виде она и отдала письмо почтальону.

Но мысли о пироге кошачьего приготовления не оставляли её в покое. Снова и снова она перечитывала письмо подруги.

— Ужасно боюсь, что всё-таки будет мышатина! — пробормотала Герцогиня Датчесс. — Ни за что не смогу есть мышиного пирога. А придётся: ведь пригласили же. Мой-то пирог будет с телятиной и ветчиной. Постой-ка, постой-ка... Ну конечно! Белорозовое блюдо для пирога, огнеупорное — оно не боится жара печи, у меня такое же, как у неё! Мы их купили в одном и том же магазине. У миссис Терезы Коттер.

Герцогиня пошла в кладовую, сняла пирог с полки и оглядела его.

— Тесто поднялось, пирог готов. Осталось только поставить в духовку, когда придёт время. А корочка будет — объеденье! Я подложила снизу жестяную форму для выпечки — чтобы тесто не расползлось. А посередине пирог проколола, чтобы выходил пар. Как бы я хотела поесть своего пирога, вместо того — с мышатиной!

Герцогиня думала-думала и всё перечитывала полученное письмо.

— «Блюдо для пирогов с розовой каймой... *И весь ты съешь сама*». Значит, Мери даже не попробует своего собственного пирога... Ах, это блюдо с розовой каймой! И конечно же, Мери должна выйти за булочками... Да! Отличная мысль! Пока Мери ходит за булочками, сбегая и засуну мой пирог к ней в духовку.

Герцогиня обрадовалась своей находчивости.

Тем временем Мери получила ответ Герцогини. Удостоверившись, что приглашенная собачка придёт, она поставила в духовку пирог своего приготовления. Духовок было две — одна над другой: Мери выбрала для выпечки нижнюю, хотя её дверца открывалась туго.

— Верхняя печёт слишком скоро, — пробормотала Мери. — А пирог начинён нежнейшей мелкорубленой мышатиной с копчёной свиной грудинкой. И все косточки я удалила: в прошлый раз у меня на обеде Герцогиня подавилась рыбной костью, чуть не задохнулась. Пожалуй, ест немного торопливо... Чрезмерно набивает рот. Впрочем, очень воспитанная и всегда со вкусом одетая собачка.

Принимать её гораздо приятней, чем мою кухню, Терезу Коттер.

Мери подложила в огонь угля и подмела каминную плиту. Потом взяла бидон и вышла к роднику за водой для чайника.

Вернувшись, хозяйка принялась за уборку в комнате — та служила и кухней, и гостиной. Мери вытрясла на улице ковры и аккуратно разложила их на полу; каминный коврик был шит из кроличьих шкурок. Она смахнула пыль с каминных часов, протёрла столы и стулья.

Затем Мери расстелила безупречную белую скатерть и выставила свой лучший чайный фарфор — он хранился в стенном буфете слева от очага. Чашки были белые с розовыми цветами, а обеденные тарелки — с голубым узором.

Накрыв на стол, Мери взяла кувшин и белую с голубым тарелку и отправилась через поле на ферму за молоком и маслом.

Вернувшись, заглянула в нижнюю духовку — пирогу было тепло и уютно.

Мери накинула шаль, нацепила шляпку и снова вышла с корзиной. Ей надо было в деревенский магазин: купить пачку чая, фунт кускового сахара и банку мармелада.

Как раз тогда же из *своего* дома на другом конце деревни вышла Герцогиня.

Мери встретила с Герцогиней на полпути к магазину — Датчесс тоже несла корзину, укрытую салфеткой. Они только кивнули друг другу: зачем разговаривать, если одна уже пригласила другую к чаю?

Как только Герцогиня повернула за угол и подруга не могла её больше видеть, собачка бросилась бежать напрямик к кошкиному дому.

Мери зашла в магазин, купила что нужно, мило потрепалась с кузиной Терезой Коттер и вскоре вышла. На самом деле Тереза Коттер очень рассердилась. Она потом часто вспоминала об этом случае и бормотала про себя:

— Нашла кого приглашать! Собачку! Как будто в округе нет кошек! А к чаю ещё и пирог! С ума сойти!

А Мери отправилась к булочнику Тимоти за булочками. Сделав покупки, вернулась домой. Когда она открыла дверь, ей послышались какие-то шорохи или шипение.

— Хочется думать, что это не пирог,— сказала Мери.— Во всяком случае, серебряные ложки заперты на ключ.

Воров не оказалось. Мери не без труда открыла дверцу нижней духовки и осмотрела пирог. Уже заманчиво пахло печёной мышью.

А Герцогиня тем временем выскользнула через заднюю дверь.

«Как странно: кошкиного пирога в духовке нет. Весь дом я обыскала и не нашла. Ну ладно. Мой пирог теперь в уютной верхней духовочке. У этой печи много всяких ручек, но кроме верхней ни одна не слушается. Наверно, они просто для красоты,— размышляла Датчесс.— Не пойму, куда она дела свой мышиный пирог. Я должна была его найти... Но вернулась Мери, и пришлось сматываться».

Дома Герцогиня долго расчёсывала перед зеркалом свои прекрасные чёрные волосы. Потом она набрала в саду цветов для Мери. До четырёх часов ещё оставалось время.

А Мери оглядела все углы и, не найдя никого ни в кладовке, ни в шкафу, отправилась наверх переодеваться.

Она надела лиловое шёлковое платье, вышитый муслиновый фартук и чепчик.

— Как странно,— пробормотала Мери.— Этот ящик почему-то выдвинут. Кому надо было примерять мои перчатки?

Она снова спустилась, заварила чай и поставила чайник на горячую каминную полку. Потом опять заглянула в нижнюю духовку — пирог покрылся приятной коричневой корочкой, и от него шёл жар.

В ожидании собачки Мери присела у огня.

— Хорошо, что я выбрала нижнюю духовку,— сказала она,— а то верхняя слишком жаркая. И всё-таки почему тот ящик был открыт? Может, и правда у меня в доме кто-то был?

Герцогиня вышла из дома ровно в четыре часа. Она пробежала через деревню

так быстро, что прибыла рано, и ей пришлось немного подождать на дорожке к кошкиному дому.

— Интересно, вынула уже Мери мой пирог из духовки? — сказала Датчесс. — И что же случилось с тем другим, мышиным?

Ровно в четверть пятого, минута в минуту, раздался нежнейший стук в дверь:

— Простите, мадам дома?

— Ах, как я рада! Заходи, дорогая Герцогиня! — воскликнула Мери. — Как здоровье?

— Вполне-вполне, спасибо, а как твоё, дорогая Мери? — спросила Герцогиня. — Я принесла тебе цветы. Как замечательно пахнет пирог!

— Какие чудесные цветы! Да, он с начинкой из мышатины с грудинкой.

— Давай не будем говорить о еде, дорогая Мери, — сказала Герцогиня. — Какая прелестная скатерть!.. А не подгорит? Он всё ещё в духовке?

— Нужно ещё минут пять, — сказала Мери, — ещё чуточку. Я пока налью чай. Ты пьёшь с сахаром, дорогая Герцогиня?

— Да, спасибо, дорогая Мери. Ты можешь положить мне кусочек на нос?

— С удовольствием, дорогая Герцогиня. Как прекрасно ты служишь! Как изумительно у тебя получается!

Герцогиня сидела с сахаром на носу и шумно втягивала воздух носом.

— Какой восхитительный запах! До чего люблю пироги с телятиной и ветчиной.. то есть с мышатиной и грудинкой.

Смутившись, Герцогиня уронила сахар и полезла за ним под чайный столик. Поэтому она не видела, из какой духовки кошка достала пирог.

Мери поставила пирог на стол — пахло очень вкусно.

Жуя сахар, Герцогиня Датчесс выбралась из-под скатерти и уселась на стул.

— Сейчас нарежу пирог для тебя. А я съем булочку с мармеладом, — сказала Мери.

— Ты в самом деле будешь булочку? Осторожно, там форма!

— Что ты сказала?

— Можно передать тебе мармелад? — торопливо проговорила Герцогиня.

Пирог оказался замечательный, и булочки были мягкие и горячие. Они быстро исчезали, особенно куски пирога!

«Мне думается, — размышляла Герцогиня, — мне думается, я поступлю мудро, если буду накладывать себе пирог сама. Хотя Мери, кажется, ничего не заметила, когда нарезала. А начинка-то как хороша! Но я мясо так мелко не шинковала — ужарились, наверно. Видно, кошкина духовка печёт быстрее».

«Как быстро уплетает Герцогиня!» — подумала Мери, намазывая маслом пятую булочку.

Блюдо с пирогом быстро опустошалось! Герцогиня взяла сама четыре куса и теперь возилась с ложкой. Несколько раз она зачем-то ткнула ложкой в блюдо.

— Хочешь ещё грудинки, дорогая Герцогиня? — спросила Мери.

— Спасибо, дорогая Мери. Я только хотела проверить, где форма.

— Какая форма?

— Ну, форма, чтобы тесто не расплзлось,—ответила Герцогиня, краснея под покровом густых волос.

— Нет, там нет формы, дорогая Герцогиня,— сказала Мери.— Пирог с мышами выпекают без формы.

Герцогиня продолжала тыкать ложкой в блюдо.

— Никак не найду! — озабоченно сказала она.

— Да нет её там,— с недоумением возразила Мери.

— И в самом деле, дорогая Мери, куда же она делась? — настаивала Герцогиня Датчесс.

— Её нет наверняка, дорогая Герцогиня. Я никогда не была сторонницей жестяных приспособлений в пудингах и пирогах. Это крайне нежелательно,— сказала она и тихо добавила: — Особенно, когда гость не жуя заглатывает большие куски.

В тревоге Датчесс продолжала тыкать блюдо.

— Сестра моего деда, её звали Сквинтина, она же бабушка кухни Терезы Коттер, умерла от напёрстка в рождественском сливовом пудинге. Поэтому в мои пироги и пудинги я никогда не кладу ничего железного.

Герцогиня приподняла край блюда, заглянула под него и ошеломлённо посмотрела на хозяйку.

— У меня только четыре формы, и все они в шкафу,— сказала Мери.

Герцогиня завывала:

— Помираю! Помираю! Я проглотила форму! Ах, дорогая Мери, мне так плохо!

— Это невозможно, дорогая Герцогиня. Никакой формы не было.

Датчесс стонала, скулила и раскачивалась из стороны в сторону.

— Мне так плохо, я проглотила форму!

— Да не было ничего в пироге,— уже строго сказала Мери.

— Нет, было, дорогая Мери. Я проглотила её, я уверена!

— Дай я подложу тебе подушку, дорогая Герцогиня. Ну хорошо, если ты её проглотила, где она сейчас, в горле или в животе? Где она мешает?

— Везде, дорогая Мери. Эта гигантская форма всё нутро мне исколола своими острыми краями.

— Не сбегать за доктором? Я только ложки запру!

— Да-да! За доктором Сорокой: он знает сорок лекарств от всех болезней.

Мери усадила Герцогиню в кресло у огня и побежала в деревню за доктором.

Она нашла его в кузнице. Он складывал ржавые гвозди в чернильницу, которую взял на почте. Гвозди он успешно применял в лечении некоторых недугов.

— Ветчина? Да-да! — сразу сказал он, склонив голову набок.

Мери объяснила ему, что её гостья проглотила форму для выпечки.

— Кошматина-поросятина! — воскликнул он и решительно направился к кошкиному дому.

Он скакал так быстро, что Мери пришлось за ним бежать.

Вся деревня видела, что Мери ведёт домой доктора. А в деревне новости распространяются быстро.

— Уж я-то знала, что они обожрут! — заметила кузина Тереза Коттер.

Пока Мери ходила за доктором, несчастная Герцогиня сидела у камина, скуля и постанывая.

— Как же я всё-таки её проглотила? Ведь она довольно большая!

Герцогиня встала, подошла к столу и опять поскребла блюдо ложкой.

— Нет, формы нет, а ведь я положила... И никто кроме меня пирога не ел. Ничего не поделаешь. Значит, проглотила!

Она опять села и грустно уставилась на каминную решётку. Плясали языки пламени, потрескивали дрова и что-то шипело... Герцогиня вскочила, бросилась к печи и решительно открыла верхнюю духовку — ей сразу ударил в нос вкусный запах ветчины и телятины. Перед ней стоял великолепный пирог с коричневой корочкой, а сверху через небольшое отверстие в тесте виднелась жестяная форма.

Герцогиня застонала.

— Значит, я лопала мышатину!.. Теперь понятно, почему мне нехорошо... Но если бы я проглотила форму, было бы ещё хуже! Может, рассказать Мери всю правду? Нет, неловко... Неудобно. Отнесу-ка я свой пирог на задний двор и промолчу о нём. А на обратном пути забегу за дом и прихвачу его с собой.

Герцогиня вынесла пирог во двор, села опять у камина и закрыла глаза. Когда Мери явилась с доктором, им показалось, что Герцогиня спит.

Поэтому доктор громко спросил:

— Ветчина? Ветчина? Нет-нет? Да-да?

— Мне намного лучше, — ответила Герцогиня, разом проснувшись.

— Ах, как я рада! Доктор принёс тебе пилюлю, дорогая Герцогиня!

— Спасибо, не надо, пусть доктор только пощупает пульс, — проговорила Герцогиня, отстраняясь от доктора. А он решительно надвигался на неё с чем-то в клюве.

— Это просто хлебная пилюля, лучше принять с молоком, дорогая Герцогиня!

— Ветчина? Ветчина? — допытывался доктор у закашлявшейся собачки.

— Замолчите! — воскликнула Мери, потеряв терпение. — Вот вам хлеб с джемом и подите в сад!

— Кошматина-поросятина! — весело крикнул из сада доктор Сорока.

— Мне намного лучше, дорогая Мери, — снова сказала Герцогиня, — Я, пожалуй, пойду домой, пока не стемнело, как ты думаешь?

— Наверно, это разумно, дорогая Герцогиня. Накинь мою тёплую шаль и возьми меня под руку.

— Пожалуйста, не провожай меня. Не надо беспокоиться, я чувствую себя почти хорошо. Одна пилуля доктора Сороки...

— И в самом деле, вылечила от формы! Я зайду завтра с утра справиться о твоём здоровье.

Мери с Герцогиней сердечно попрощались, и Датчесс отправилась домой. Но через три минуты она остановилась и оглянулась: Мери не было видно и дверь была закрыта.

Герцогиня проскользнула под забором, обежала кругом кошкин дом и выглянула во двор из-за угла.

На крыше свинарника сидели три галки и доктор Сорока. Галки клевали корочку, а доктор Сорока жевал начинку из формы.

— Ветчина, да-да! — крикнул он, увидев за углом чёрный нос Герцогини Датчесс.

Герцогиня стрёмглав бросилась домой.

Когда Мери вышла с ведром за водой для мытья посуды, она нашла посреди двора осколки блюда с розовой каймой.

Под краном водокачки лежала форма — туда её предусмотрительно положил доктор Сорока.

Мери была ошеломлена:

— Откуда она здесь взялась? Значит, форма всё-таки была... Но мои формы все в кухонном буфете. Нет, случайно я не могла... Что за чушь! В следующий раз, пожалуй, позову-ка я лучше Терезу Коттер!

Сказка

про мистера Джереми Фишера

Жил-был лягушонок. Звали его мистер Джереми Фишер.

Он жил среди лютиков, у самого пруда, в маленьком сыром домике.

В коридоре и кладовке на полу всегда стояла вода.

Но мистеру Джереми нравилось мочить ноги: никто ведь его не бранил, и он никогда не простужался!

Как-то раз выглянул он в дверь и обрадовался: в пруд шлёпались огромные дождевые капли.

— Накопаю-ка червяков и пойду ловить пескарей на обед, — сказал мистер Джереми. — Поймаю штук шесть — приглашу к обеду друзей: сэра Исаака Ньютона — тритона — и магистра Птолемея Черепаху. Магистр, как известно, любит салат.

Мистер Джереми надел плащ, обул пару блестящих галош, взял удочку с корзиной и большими скачками запрыгал к лодке.

Лодка была круглая и зелёная, точь-в-точь лист кувшинки. Она была привязана к водяной лилии на середине пруда.

Мистер Джереми взял тростинку — она служила ему багром — и вытолкнул лодку в открытые воды.

— Я знаю место, где много пескарей, — сказал он.

Отплыв немного, мистер Джереми воткнул тростинку в илистое дно и привязал к ней лодку. Потом сел нога на ногу и приготовил рыбачьи снасти. У него был замечательный красный поплавок, удочка из прочного травяного стебля, а леской служил конский волосок — к его концу он прицепил вертлявого червяка.

Целый час сидел мистер Джереми, уставясь на поплавок. Дождик тѣк ему за шиворот.

— Что-то я притомился. Самое время перекусить,— сказал он.

Он снова взялся за багор из тростинки и, немного отплыв, спрятался от дождя под широким листом. Потом вынул из корзины припасы.

— Съем сандвич с бабочками, а ливень пока и кончится,— сказал мистер Джереми Фишер.

Огромный водяной жук подплыл к кувшинке и ущипнул его за кончик галоши. Мистер Джереми подтянул ноги повыше, чтобы из воды их было не достать, и снова принялся за сандвич.

Вдруг послышался плеск воды, и что-то прошуршало в тростнике.

— Хочется думать, что это не крыса,— сказал мистер Джереми.— Самое время плыть отсюда.

Он снова немножко отплыл и закинул удочку. Сразу же кто-то схватил наживку, а поплавок сильно дёрнулся.

— Пескарь! Пескарь! Я поймал его за нос!— воскликнул мистер Джереми Фишер и резко дёрнул удилище.

Но какое ужасное невезение! Вместо гладкого толстого пескаря мистер Джереми вытащил маленького колючего Шипа Коллинза, рыбу-колючку.

Шип стал биться в лодке, покусал и исколол мистера Джереми. Он кусался и кололся, пока ему не надоело. Тогда он взял и выпрыгнул в воду.

Несколько мелких рыбёшек показались из воды и стали хохотать над мистером Джереми Фишером.

Пока расстроенный мистер Джереми сидел на краю лодки, посасывая исколотые пальцы и вглядываясь в воду, случилось кое-что ПОХУЖЕ. А если бы мистер Джереми оказался без плаща, была бы просто ЖУТЬ!

Из воды высунулась громадная фо-

рель, разинула гигантскую пасть и утащила мистера Джереми на дно!

Но плащ был такой невкусный, что секунды не прошло, и форель выплюнула мистера Джереми. Зато она проглотила обе его галоши.

Мистер Джереми всплыл со скоростью пули и быстро-быстро направился к берегу.

Он выбрался на сушу в изорванном плаще и запрыгал домой.

— Какое счастье, что это была не щука! — сказал мистер Джереми. — Больше я ни за что не пойду на рыбалку. К тому же пропали удочка с корзиной.

Он заклеил пластырем пальцы, и оба его друга явились к обеду. Правда, обещанной рыбы не было, зато в кладовке нашлось кое-что ещё.

Тритон — сэр Исаак Ньютон — явился в чёрном с золотом жилете.

Магистр Птолемей Черепаха принёс салат в сетке.

И вместо свежих пескарей обедали они жареным кузнечиком под соусом из божьих коровок. Для лягушек нет ничего вкуснее. А *по-моему* — гадость!

Сказка про котёнка Тома

Жили-были три котёнка — Джесси, Пусси и Том. Они кубарем скатывались с лестницы и возились в пыли.

Однажды их мама — миссис Тереза Коттер — пригласила гостей к чаю. Поэтому она решила котят вымыть и нарядить.

Она взяла тазик, губку, поставила Пусси на стульчик и намылила ей мордочку. Другие котята терпеливо ждали своей очереди.

Когда все были вымыты и насухо вытерты, она взяла щётку и стала расчёсывать им шерсть. Первой была Джесси.

Потом она взяла красный гребешок и привела в порядок их хвосты и усики. На этот раз она начала с Тома. Том капризничал и царапался.

Миссис Коттер одела Пусси и Джесси в чистые платица и передники. Потом она покопалась в шкафу и достала много неудобной, но элегантной одежды — для Тома.

Котёнок Том был толстенький, да ещё вырос за последнее время. Так что когда он натянул синий костюмчик, три пуговицы отскочили. Но мама пришила их снова.

Нарядив котят, миссис Коттер выпустила их из дома в сад, чтобы не путались под ногами, пока она жарит горячие тосты с маслом. Это было неосмотрительно с её стороны.

— Не запачкайте платица, — сказала миссис Коттер. — Ходите только на задних ножках. Держитесь подальше от мусорной ямы, от свинарника, от Энни-Пенни и от Кряквудов.

Пусси и Джесси пошли по садовой тропинке, нетвёрдо держась на одних задних лапках.

Вскоре обе запутались в своих платьях и шлёпнулись на землю.

На передниках и платьях теперь сияли зелёные пятна!

— Давай залезем на садовую стену и посидим наверху, — предложила Пусси. У стены была устроена декоративная горка из камней — между ними росли цветы и папоротник. Горка поднималась до верхнего края стены.

Котята сдвинули передники назад и стали прыгать с камня на камень. Когда Пусси забралась на самый верх, передничек у неё соскочил и слетел вниз, со стены на

дорогу за садом, — дорога живописно уходила вдаль через холмистые поля и перелески.

Котёнку Тому прыгать мешали брюки. Он медленно поднимался, перебирая задними лапами, обламывая папоротник. То и дело от костюма отлетали пуговицы и исчезали между камней.

Когда Том наконец добрался до верха, он уже не выглядел нарядно. Все пуговицы он посеял на каменной горке, а на стене с него сдуло шляпу. Джесси и Пусси тщетно пытались привести его одежду в порядок.

Тем временем по дороге одна за другой гусиным шагом шествовали утки. Это были Кряквуды.

Они остановились и удивлёнными глазками уставились на котят.

Каролина Кряквуд нашла шляпу и надела. А Клара Кряквуд нахлобучила на голову платье.

Джесси так расхохоталась, что свалилась со стены. За ней спустились и Пусси с Томом. При этом на землю сползли их передники и истерзанный костюмчик Тома.

— Идите сюда, мистер Гагастер! — позвала Пусси. — Помогите нам одеть Тома! Помогите застегнуть пуговицы!

— Никакой я вам не Гагастер! Меня зовут мистер Гагагас Кряквуд, — недовольно возразил селезень.

Он медленно приблизился бочком и вещицу за вещицей подобрал все одёжки. Немного помедлив, мистер Гагагас Кряквуд всё надел на себя! Костюм на нём сидел заметно хуже, чем на Томе.

— Какой сегодня прекрасный день! — воскликнул мистер Кряквуд. — Нам пора идти. ПреГАГАСный денёк!

И трое Кряквудов удалились.

Миссис Тереза Коттер вышла в сад и увидела своих котят на стене — без одежды.

Она их стащила вниз, отшлёпала и привела обратно в дом.

— Сейчас придут гости, а вы на кого похожи? Какой стыд! — отчитывала их миссис Тереза Коттер. — Ступайте наверх и не показывайтесь. А гостям я скажу, что дети больны корью и лежат в постели.

Но конечно же, котятка не лежали в постели!

Совсем наоборот.

Торжественную обстановку чаепития то и дело нарушали возмутительные звуки сверху, из детской: котятка веселились на полную катушку.

А Кряквуды пришли плавать на пруд. В воде они сразу же растеряли всю одежду, потому что она была без пуговиц.

И с тех пор Кряквуды не могут её найти.

Сказка про Клару Кряквуд

Жила-была утка, и звали её Клара Кряквуд. Она очень огорчалась, что ей никак не удаётся высидеть утят: жена фермера забирала яйца все до одного.

Кузина Клары, миссис Каролина Кряквуд, наоборот, мечтала, чтобы её малышей высиживал кто-нибудь другой.

— Никакого терпения не хватит просидеть на одном месте двадцать восемь дней кряду ни у меня, ни у тебя, Клара. Отойдёшь на минутку — яйца уже остыли! Сама знаешь, как бывает!

— Я хочу завести утят и высижу их! — прокричала Клара.

Она пробовала прятать яйца, но напрасно: жена фермера всегда их находила. Отчаявшись, Клара Кряквуд решила устроить гнездо где-нибудь подальше от фермы.

Однажды, в погожий весенний день, надев капор и накинув шаль, она вышла за ворота фермы и зашагала по просёлку. Долго ли, коротко она шла — дорога поднялась в гору.

Вдали показался лес. Клара подумала, что лес для гнезда самое подходящее место: там тихо и безопасно.

Она разбежалась под горку и прыгнула вверх. Летать для неё было не слишком привычно, но, если удавалось взлететь с разбега, летала она не хуже других птиц.

Клара скользила над верхушками деревьев, пока посреди леса не увидела поляну, где кустарник и сосны были вырублены.

Она неуклюже приземлилась, и, переваливаясь с боку на бок, принялась искать сухое место для гнезда. Ей приглянулся пенёк, вокруг которого росло множество рыжих лисичек.

Однако, к её удивлению, на пенёке сидел элегантно одетый джентльмен и читал газету. У него были чёрные острые уши и рыжие бакенбарды.

— Кря? — склонив голову набок, обратилась к джентльмену Клара. — Кря?

Джентльмен оторвался от газеты и с интересом поглядел на Клару:

— Мадам, вы заблудились? — спросил он. Пенёк был сырой, поэтому джентльмен подложил под себя свой длинный пушистый хвост.

Джентльмен показался ей очень любезным и приятным. Она объяснила, что не заблудилась, а ищет подходящее место для гнезда.

— В самом деле? — воскликнул джентльмен с рыжими бакенбардами, с ещё большим интересом глядя на Клару. Он сложил газету и сунул её в боковой карман.

Клара стала жаловаться на легкомысленную кузину.

— Подумать только! Бывают же такие! Мне бы встретиться с этой птицей... Я бы

отучил её совать нос в чужие дела!.. Что до гнезда, нет ничего проще. В моём дровяном сарае куча перьев. Нет, уважаемая мадам, вы никому не будете мешать. Сидите там сколько хотите,— сказал джентльмен с длинным пушистым хвостом.

Он проводил Клару к уединённому мрачноватому домику из хвороста и торфа. На крыше вместо трубы торчали два худых ведра, вставленных одно в другое. Вокруг было много грибов, а больше всего — лисичек.

— Это моя летняя обитель. Здесь вам будет намного удобней, чем у меня в норе.. Я так в шутку называю свой зимний дом,— пояснил гостеприимный джентльмен.

Позади домика стоял полуразрушенный сарай из старых ящиков от мыла. Джентльмен открыл дверь, и Клара вошла внутрь.

Она удивилась, увидев огромные кучи перьев. Из-за них в сарае было душновато, но зато уютно и очень мягко. Клара без труда устроила гнездо.

Когда она вышла, джентльмен с рыжими бакенбардами сидел на бревне, погрузившись в чтение. На самом деле он держал газету, не читая, и глядел на Клару поверх Листа.

Его любезности не было предела. Казалось даже, он сожалел о том, что Клара будет ночевать дома. Он обещал присматривать за гнездом до утра, покуда она не придёт.

Джентльмен добавил, что любит и яйца, и утят и будет

счастлив видеть в своём дровяном сарае славный утиный выводок.

Клара Кряквуд приходила теперь каждый день. Она отложила в гнездо девять яиц. Они были зеленовато-белые и очень большие. Обаятельный джентльмен не мог глаз от них оторвать. В отсутствие Клары он то и дело перекладывал их и пересчитывал. Наконец Клара объявила, что завтра усаживается на яйца.

— Возьму зерна в мешочке. Проголодаюсь, поклюю. Ни на минуту не оставлю утят! А то ещё простудятся! — сказала будущая мать.

— Мадам, прошу вас, ничего не берите, у меня полно овса. Да, вам предстоит нелёгкое дело, высиживание... Но прежде я хочу пригласить вас на обед. Давайте приготовим что-нибудь вкусное! Не затруднит вас принести с фермы немного зелени для праздничного омлета? Шалфея, тмина, мяты, несколько веточек петрушки и пару луковиц. А у меня найдётся сало и утятница... То есть сковорода, особая сковорода для омлетов,— поправился гостеприимный джентльмен с рыжими бакенбардами.

Клара Кряквуд была простодушна — не встревожилась она ни из-за петрушки, ни из-за утятницы. И она набрала в огороде зелени, которой приправляют жареных уток. Переваливаясь с боку на бок, она заглянула на кухню и взяла из корзины две луковицы. У дверей она столкнулась с Фредом — шотландской овчаркой:

— Зачем тебе понадобился лук, Клара Кряквуд? И вообще, где ты все дни шатаешься?

Клара боялась Фреда, и поэтому всё рассказала.

Фред слушал, наклонив умную голову. А когда Клара стала описывать любезного джентльмена с рыжими бакенбардами, он рассмеялся.

Фред поинтересовался, в какой стороне лес и где домик с сараем.

Потом Фред побежал в деревню. Он хотел разыскать двух гончих щенков для охоты на лис. Щенков он нашёл не сразу. Они ушли на прогулку со своим хозяином, мясником.

Стоял солнечный день, когда Клара Кряквуд в последний раз отправилась в дорогу. Ей было довольно тяжело тащить мешок со связками трав и луком.

Она перелетела через лес и опустилась перед домом джентльмена с длинным пушистым хвостом. Он сидел на бревне, нюхая воздух и беспокойно озираясь. Как только Клара коснулась земли, он сразу же вскочил.

— Поглядите на ваши яйца и быстро — в дом. Дайте мне зелень для омлета. Поторапливайтесь!

Он говорил очень резко. Раньше он вёл себя по-другому.

Клара смутилась, ей стало неудобно.

Зайдя в сарай, она услышала торопливые шаги снаружи. Кто-то сунул чёрный нос под дверь и запер её на замок. Тут Клара совсем перепугалась.

А между тем началось что-то ужасное — кто-то рычал и лаял, выли и пищал.

С тех пор джентльмена с рыжими бакенбардами больше не видели.

Фред отпер дверь и выпустил Клару. А щенки бросились в сарай и проглотили Кларины яйца. К сожалению, Фред не успел остановить их.

У Фреда было прокушено ухо, а щенки хромали.

Всю дорогу домой Клара Кряквуд плакала из-за съеденных яиц. Но в июне она снесла новые, и на этот раз ей разрешили оставить их себе. Вылупилось, однако, только четыре утёнка.

— Если б вы знали, каких волнений мне это стоило, — жаловалась Клара Кряквуд знакомым.

Впрочем, она никогда не была хорошей наседкой.

Сказка про Криса Усача, или Про рулет

Жила-была кошка. Ей было много лет, и звали её миссис Тереза Коттер. У неё было трое котят — Джесси, Пусси и Том. Они то и дело убегали от мамы и непременно попадали в беду. Тереза совсем не знала покоя.

Как-то раз миссис Коттер затеяла печь пироги и решила запереть котят в шкафу — чтобы не путались под ногами. Джесси и Пусси попались сразу, а Тома нигде не было.

Дом миссис Коттер был старый-престарый, со множеством шкафов и закоулков. Из толстенных стен раздавались загадочные звуки, словно внутри кто-то бегал по потайным ходам и крохотным лестницам. А в стенах, у самого пола, кое-где виднелись дыры с рваными краями. Случалось, что ночью исчезала какая-нибудь снедь. Чаще всего — сыр или ветчина.

Миссис Коттер стала громко мяукать: она встревожилась не на шутку.

А тем временем Джесси и Пусси отворили незапертую дверцу шкафа и направились прямо к миске с тестом.

— Давай лепить булочки! — хлопнув по тесту мягкой лапой, предложила Пусси сестре. Но тут в дверь постучали, и со страху Пусси сиганула в бочку с мукой, а Джесси убежала в кладовку и спряталась в пустом горшке на полке под окном.

Кто же стучал в дверь? Это пришла одолжить дрожжей миссис Мери — кузина Терезы.

— Заходи, Мери, присаживайся. У меня беда, — вытирая глаза краем фартука, говорила миссис Коттер. — Пропал мой любимый сынок Том. Боюсь, что его утащили крысы.

— Знаешь, твой Том большой проказник, Тереза. В тот раз, когда ты пригласила меня на чай, он порвал мою лучшую шляпку. Ну да ладно. Где ты его искала?

— Весь дом обегала. Как трудно с непослушными детьми! А с крысами мне не справиться: их слишком много...

— Меня крысы не пугают, я помогу тебе найти его и выпороть! Послушай, почему на каминной плите столько сажки? Кто её насыпал?

— Просто пора прочистить дымоход. Кстати, я заперла в шкафу Джесси с Пусси. Дай-ка посмотрю, что они делают... Час от часу не легче, обе сбежали!

Тереза и Мери заново принялись обыскивать дом. Зонтиком потыкали под кроватями, перевернули посудные шкафы, заглянули со свечой в старый сундук на чердаке. Никого не нашли, только слышали, как вдруг хлопнула дверь и кто-то стремглав сбежал вниз.

— Да, здесь полно крыс, — со слезами молвила миссис Коттер. — Из одной дыры на кухне я выловила семь крысят, и мы съели их в субботу на обед. А как-то раз

я видела огромного старого крысача, Мери. Я хотела прыгнуть на него, но он оскалил гигантские жёлтые зубы и нырнул в дыру в стене. Крысы не дают мне покоя.

Мери с Терезой осматривали чердак, когда из-под пола донёлся странный звук, будто что-то катилось, но нельзя было ничего увидеть.

Они вернулись на кухню.

— Ну вот. Хоть одного из котят мы нашли,— сказала Мери, вытаскивая Пусси из бочки.

Они отряхнули от муки маленькую Пусси и опустили её на пол.

— Мама,— сказала перепуганная Пусси,— на кухню приходила старая крыса и украла немного теста!

Кошки бросились к миске с тестом — да, куска теста не доставало, зато виднелись следы крысиных коготков.

— Куда она пошла, Пусси?

— Я не видела, мне было так страшно, я только раз выглянула из бочки.

Мери и Тереза взяли малышку с собой на поиски, чтобы не спускать с неё глаз. В кладовой для хранения сыра и молока, перевернув горшок, они нашли вторую дочку миссис Коттер.

— Мама, мама! — воскликнула Джесси. — Сюда сейчас приходил громадный, страшный крысач, он украл кусок масла и скалку.

Мери и Тереза переглянулись.

— Скалка и масло! Ах, мой бедный сынок Том! — всплеснула лапами миссис Коттер.

— Скалка? — задумчиво повторила Мери. — Помнишь, когда мы открыли сундук на чердаке, тогда и слышали — будто что-то катится?

Мери с Терезой снова бросились наверх. И верно, на чердаке в подполье явно что-то катили.

— Дело очень серьезное, кузина Тереза, — сказала Мери. — Нужно немедленно звать на подмогу Джона Пинчера. И пусть возьмёт пилу. Дед и отец Джона — известные крысоловы. У Пинчеров это семейное.

А вот что случилось с котёнком Томом. И случай этот, кстати, показывает, как глупо в старом доме лазить по незнакомому дымоходу. Особенно, когда вокруг огромные крысы.

Когда Том узнал, что мама взялась за пироги, он решил спрятаться. Котёнок догадался, что его хотят запереть в шкафу, как уже бывало. Хорошим укрытием ему представился дымоход. Огонь только развели, и жара ещё не было, над сыроватыми дровами поднимался едкий белый дым. Том залез на каминную плиту и заглянул в большой старомодный камин. Дымоход был широкий — впору даже человеку, чего уж говорить о котёнке! Недолго думая, Том прыгнул в камин

на железную перекладину, к которой подвешивают чайник, а потом на кирпичный выступ в дымоходе. При этом на каминную плиту осыпалось немного сажки.

Между тем дрова начали потрескивать и разгораться. Том надышался дыма и закашлялся.

— Обратно через камин вылезать опасно, — размышлял Том. — Можно сорваться, попасть прямо в огонь. И хвост обгорит, и курточка. — На Томе была прекрасная голубая курточка, он ею очень дорожил. — А так я спокойно выйду через трубу на крышу и половлю воробьёв.

Труба была высокая — такие трубы ставили в старое время. Она возвышалась над крышей как каменная башня.

Котёнок долго карабкался наверх, но до конца пути ещё было далеко. Тому стало страшно. Он так перемазался, что стал похож на маленького трубочиста.

В темноте было легко заблудиться — сквозь гущу сажки он полез куда-то в сторону. Том как будто попал в какой-то другой дымоход. И в самом деле, дыма стало меньше. Он продолжал пробираться вперёд, пока не набрёл на нишу от выпавшего камня. В ней лежали обглоданные бараньи кости.

— Как странно, — пробормотал Том. — Кому придёт в голову грызть кости в дымоходе? Нет, лучше бы я сюда не приходил! И какой чудной запах! Смахивает на мышиный, только ужасно сильный. Сейчас чихну.

В глубине ниши оказался узкий проём. Любопытство победило страх — Том протиснулся в этот проём и попал в тёмный тесный переход. Котёнок осторожно продвигался вглубь...

Вдруг он полетел кувырком вниз и плюхнулся на кучу грязного тряпья. Встав на ноги и оглядевшись, Том понял, что никогда здесь не бывал, хотя в этом доме прожил всю жизнь. То была крохотная затхлая комнатёнка под стропилами, затянутыми паутиной, с дощатым полом и ободранной штукатуркой. Напротив него в зелёном сюртуке, в жёлтых рубашке и брюках сидел огромный крысиный мистер.

— Что ты делаешь в моей постели, да ещё весь в саже? — скрежеща зубами, спросил Крис Усач, ибо так звали крысиного мистера. Ещё на нём были коричневые штиблеты.

— Извините, сэр, — испуганно промямлил котенок, — я чистил дымоход.

— Анна Мария! Анна Мария! — пронзительным голосом крикнул Крис Усач. Послышался топот, и пожилая крыса выглянула из-за стропил. Увидев Тома, она сразу же бросилась на котёнка, сорвала с него курточку и крепко-накрепко связала верёвкой. Пока Анна Мария возилась с Томом, старый мистер нюхал табак. Потом она присела отдохнуть рядом с мужем. Несколько минут они просидели с открытыми ртами, шумно дыша и не спуская глаз с Тома.

— Анна Мария, — наконец сказал Крис Усач, — Анна Мария, приготовь-ка мне к обеду рулет с котёнком.

— Для рулета нужно тесто, масло и скалка, — ответила Анна Мария, кивнув головой в сторону Тома.

— Нет, — возразил крысач. — У тебя получится прекрасный рулет из хлебных крошек. Нечего мудрить.

— Чушь! Нужно масло и тесто, — ответила Анна Мария.

Крысы пререкались ещё некоторое время и потом ушли.

Крис Усач прошёл через дырку в стене и бесстрашно спустился по парадной лестнице за маслом. По дороге он ни с кем не встретился. Потом сходил за скалкой. Крысач толкал её лапами перед собой, как пивовар — пивную бочку. Он слышал голоса Терезы и Мери, они как раз зажигали свечу, чтобы заглянуть в сундук.

А Анна Мария просеменила вдоль плинтуса, спустилась по оконным ставням на кухню, взяла блюдо и наскребла в него теста из миски. Пусси она не заметила.

Тем временем в чердачном подполье томился Том. Он корчился, пытаясь вырваться из пут, и жалобно мяукал. Звать на помощь ему мешали стеснявшие дыхание крепкие верёвки и набившиеся в рот сажа

с паутиной. Поэтому громко мяукать не получалось, и его никто не слышал.

Кроме паука — тот спустился из трещины в потолке и с безопасного расстояния внимательно изучил узлы. Паук знал толк в узлах, ведь у него работа такая — опутывать мух. Узлы завязывать он любил, а распускать — нет. Так что паук совсем не собирался спасать котёнка.

Бедный Том вертелся и корчился, пока не выдохся.

Крысы вернулись и принялись готовить из котёнка рулет. Вначале обмазали Тома маслом, а потом закатали в тесто.

— Анна Мария, — спросил Крис Усач, — а не повредит ли верёвка желудку?

Жена ответила, что это не имеет отношения к делу. И лучше бы начинка не вертела головой, а то тесто отваливается. С этими словами она крепко схватила Тома за уши. Котёнок кусался, плевался, мяукал и извивался, но скалка равномерно утрамбовывала тесто. Крысы держали её с обоих концов.

— Смотри, хвост торчит! Ты принесла мало теста, Анна Мария!

— Я принесла столько, сколько могла унести,— отвечала жена.

— Сдаётся мне,— заметил Крис, остановившись, чтобы ещё раз взглянуть на котёнка,— сдаётся мне, что у рулета будет дурной привкус. Он пахнет гарью.

Анна Мария хотела возразить, но тут сверху послышались новые звуки: жих-жих — ходила пила, скреблась и лаяла собака. Крысы уронили скалку и прислушались.

— Наше местопребывание обнаружено, Анна Мария. Незамедлительно складываем имущество, своё и чужое включительно, и отбываем в неизвестном направлении.

— Боюсь, что в силу обстоятельств рулет нам придётся оставить.

— Как бы то ни было, по моему глубокому убеждению, верёвочные узлы опасны для желудка.

— Ладно, помоги мне завязать бараньи кости в одеяло,— сказала пожилая крыса.— И в дымоходе я спрятала кусок окорока.

К тому времени, когда мистер Пинчер выпилил дыру в полу на чердаке и просунул голову в подполье, там уже никого не было, кроме скалки и котёнка, облепленного очень грязным тестом. Но сильно пахло крысами. Несколько часов Джон Пинчер ещё бродил по дому, вынюхивая крыс и виляя хвостом, но ни одной так и не нашёл. Наконец он сложил в ящик пилу, зубило и другие инструменты и спустился вниз. Кошки пригласили его пообедать, они уже успокоились.

С котёнка собрали тесто и испекли отдельный пирог. А чтобы не было заметно пятен сажи, в пирог положили чёрную смородину.

А от масла Тома пришлось отмывать горячей водой с мылом.

— Как чудесно пахнет ваш пирог, — воскликнул Джон Пинчер. — К сожалению, не могу остаться обедать. Мисс Поттер завалила меня работой. Я мастерю для неё тачку, и ещё она заказала два курятника.

Когда я в три часа ходила на почту, мимо пробежали Крис Усач с женой — Анна Мария толкала перед собой маленькую тачку с большими тюками. Тюки были очень похожи на мои собственные. А тачка точно была моя, хотя тачку я ей не давала — уж поверьте!

Крис Усач тяжело дышал, он запыхался от бега, а Анна Мария бранила его пронзительным сварливым голосом. Вскоре они свернули в ворота фермы мистера Патисона. Видно, ферму они хорошо знали, потому что сразу нашли амбар. Первым делом забросили пожитки на сеновал — Крис Усач вскарабкался наверх и при помощи верёвки затащил тюки. В общем довольно быстро они устроились на новом месте и зажили своей крысиной жизнью. У них родились дети, внуки, а за ними правнуки и праправнуки. В амбаре развелось множество крыс. Они съедали овёс, корм для цыплят, прогрызали дыры в мешках с провизией.

Фермер Патисон не знал, что делать, и повредился в уме. Но его вылечили в хорошей больнице.

А у Терезы Коттер очень долго потом не было крыс.

Пусси и Джесси выросли и сами научились ловить крыс. Крысоловы в деревне нарасхват, работы хоть отбавляй. За десяток пойманных крыс платят один фунт. Пусси и Джесси отлично зарабатывают; пучки крысиных хвостов они вешают на дверь, чтобы показать, как хорошо у них идут дела.

А котёнок Том так и не избавился от страха перед крысами. Даже когда вырос. Он вообще боится всех на свете. Всех — кто крупнее *мыши*.

Пампушата

Когда маленький Оливер Кроллет возмужал, он женился на Пампушке. Вскоре семья сильно разрослась — впрочем, жили все радостно, не заботясь о завтрашнем дне.

Соседи, путаясь в именах, прозвали шестерых детишек Пампушки Пампушатами.

Оливер с Пампушкой не были запасливыми, и у них часто кончался корм. Тогда Олли одалживал капусту у пампушкиного брата: Питер Пуш выращивал собственный огород.

Но случалось и так, что у Питера не было лишней капусты.

— Ах, дружище,— разводил руками Питер Пуш.— Ничего мне не жаль для дорогого кузена, но сегодня нам даже нечем обедать. Заходи-ка лучше на той неделе.

Тогда крольчата топали ко рву, куда мистер Мак-Грегор выбрасывал мусор из сада.

Здесь валялись баночки из-под джема, бумажные пакеты, лежали огромные кучи травы с привкусом машинного масла — она была скошена механической косилкой, а ещё гнилые кабачки и дырявый башмак. Но как-то раз — вот удача! — крольчата наткнулись на целую гору перезрелого салата. Пампушата набросились на салат, наелись до отвала и один за другим уснули.

Недаром говорят, что салат нагоняет сон.

Сморило заодно и их ушастого папашу, Оливера Кроллета, он укрылся от мух бумажным пакетом.

Солнышко припекало, и крольчата крепко спали. В саду мистера Мак-Грегора стрекотала механическая косилка. У садовой ограды жужжали синие мухи, и посреди мусора старушка мышь шныряла по банкам из-под джема — у неё был длинный-предлинный хвост. Она случайно вскарабкалась на бумажный пакет и разбудила Оливера Кроллета.

— Простите, что ненароком нарушила ваш сон, мистер Кроллет,— сказала старушка.— Кстати, я знакома с вашим почтенным кузеном, мистером Питером Пушем. Ах, да, я не представилась, меня зовут миссис Мыштон, миссис Маусина Мыштон...

— Весьма польщен, миссис Мыштон. Очень наслышан о вас...

Пока они раскланивались под садовой оградой, захрустели тяжёлые шаги, и внезапно мистер Мак-Грегор высыпал на спящих крольчат полный мешок травы. Оливер Кроллет съёжился под бумажным пакетом, а Маусина Мыштон забилась в банку из-под джема.

Крольчата не проснулись — вот как спится от салата! Им снилось, что мама укладывает их в соломенные кровати и укрывает пуховым одеялом.

Высыпав траву, мистер Мак-Грегор заметил, что из неё торчат кончики ушей.

— Что бы это могло быть? — подумал он.

На один кончик села муха — ухо вздрогнуло. Тут мистер Мак-Грегор понял, что под травой на мусорной куче — кролики.

— Раз, два, три, четыре-пять-шесть! Целых шесть крольчат! — радовался он, бросая мягкие комочки в мешок.

Крольчатам снилось, будто мама перекладывает их из одной кровати в другую. Они пошевелили лапами, но не проснулись.

Мистер Мак-Грегор завязал мешок и водрузил на кирпичную ограду. А сам пошёл убирать косилку.

Тем временем Пампушка вышла из дома.

— Куда же запропастились ушастики? — гадала миссис Кроллет, шагая по лужайке. Она заметила какой-то странный мешок на кирпичной ограде и встревожилась.

Тут из укрытия под бумажным пакетом выполз

Оливер Кроллет, а из стеклянной банки — Маусина Мыштон. Они и поведали Пампушке печальную историю.

Оливер с Пампушкой попытались развязать мешок, но узел был слишком тугой.

— Позвольте мне,— вдруг сказала старушка Маусина.— Немало мешков я повидала на своем веку.

Она быстро прогрызла дырку.

Крольчат вытаскивали по одному и щипали, чтобы проснулись. Потом Олли с Пампушкой напихали в мешок три гнилых кабачка, старую щётку для ботинок и две заплесневелые репки. Мешок поставили туда же и спрятались под кустом.

Вскоре пришёл мистер Мак-Грегор, взял мешок и понёс к дому. Мешок оттягивал руку, словно в нём были тяжести. А крольчата с папой и мамой незаметно бежали следом.

Они видели, как мистер Мак-Грегор вошёл в дом.

Кролики подобрались к окну и прислушались.

Мистер Мак-Грегор бросил мешок на каменный пол. Будь крольчата в мешке, им было бы ещё как больно! Кролики слышали, как мистер Мак-Грегор волочил стул и, хихикая, приговаривал:

— Шестеро, их шестеро, шесть миленьких крольчат!

— Что? Чего ты бормочешь? Опять они у нас что-то сожрали? — спросила миссис Мак-Грегор.

— Шестеро, их шестеро, шесть жирненьких крольчат! — повторил мистер Мак-Грегор.

— Довольно морочить голову! Чего тебе надо, старый дурак?

— Открой мешок и увидишь! — воскликнул мистер Мак-Грегор.— Шестеро, их шестеро, нежненьких крольчат!

Тем временем самый маленький пампушонок забрался на подоконник.

Миссис Мак-Грегор подняла мешок и ощупала.

— Похоже, и правда, шесть,— сказала она.— Только кролики, видать, очень старые. Во-первых — твёрдые, а во-вторых — какие-то разные. Варить — не годятся, мясо выйдет жёсткое, а вот шкурки, пожалуй, пойдут на воротник моего старого пальто.

— На воротник? — с возмущением воскликнул мистер Мак-Грегор.— Как бы не так! Лучше уж я их продам и куплю себе табака!

— И не заикайся! Я отрежу им головы и сниму шкурки!

Миссис Мак-Грегор развязала мешок и сунула руку.

Вместо кроликов она достала гнилые кабачки, репки и щетку для ботинок.

— Ты нарочно всё это придумал! — закричала она в ярости.— Ты мне всю жизнь испоганил! Зачем я за тебя замуж выходила?

Мистер Мак-Грегор тоже очень разозлился, потому что жена стала кидать в

него гнилые кабачки и репу. При этом один кабачок вылетел в окно и больно ушиб самого маленького пампушонка.

Тогда уже Олли с Пампушкой решили, что пора домой.

Вот как вышло, что мистер Мак-Грегор остался без табака, а миссис Мак-Грегор — без кроличьих шкурок.

Зато на Рождество миссис Маусина Мыштон получила в подарок столько кроличьей шерсти, что ей хватило на шубу, муфту да ещё и варежки.

Терьер и Мурьер

Когда-то в деревне был магазин под вывеской «ТЕРЬЕР и МУРЬЕР». Магазин был совсем крохотный, просто кукольный. Куклы Люсинда Кукль и Джейн Повари всегда покупали здесь зелень.

Пусть магазин и был совсем маленький, но продавалось здесь почти всё. Носовые платки в красный горошек стоили по пенсу штука. Продавался сахар, нюхательный табак и галоши. Нельзя было купить только самое необходимое — то, что обычно не находишь, когда тебе некогда. Ну, скажем, шнурки для ботинок, заколки для волос или бараньи котлеты.

Хозяевами магазина были Терьер и Мурьер. Мурьер был жёлтым котом, а Терьер — терьером.

Для удобства кроликов прилавок был устроен низко. Впрочем, кролики всегда побаивались Терьера. Они знали, что родственники Терьера иногда охотились за крысами и гоняли кроликов.

Постоянными покупателями в магазине были мыши — конечно, они побаивались Мурьера.

Когда мыши приходили за покупками, кот удалялся в заднюю комнату и просил Терьера обслужить их, а то, он говорил, у него спонки текут.

— Невыносимо видеть, как мыши забирают свои свёрточки с покупками и уплывают за дверь.

— Я то же самое чувствую по поводу крыс, — отвечал Терьер. — Но если мы перелопачиваем половину покупателей, оставшиеся клиенты пойдут к Терезе Коттер.

— Как раз наоборот, идти им тогда будет некуда, — мрачно возражал Мурьер.

Миссис Тереза Коттер тоже держала магазин — в деревне их было всего два. Но у миссис Коттер нельзя было покупать в долг. А Терьер и Мурьер предлагали неограниченный кредит.

Кредит — это когда какая-нибудь мадам покупает кусок мыла, но не платит. Она не роется в кошельке, не ищет мелочь, а просто говорит, что заплатит в другой раз. При этом Терьер низко кланяется и отвечает:

— Как вам угодно, мадам, — и записывает долг в тетрадь.

Поэтому, несмотря на страх перед Терьером и Мурьером, мыши, крысы, кролики и другие покупатели приходили по многу раз и уносили с собой множество покупок.

В любом магазине непременно есть особый ящик, куда складывают деньги. Он называется денежный ящик, или касса. Так вот, в кассе у Терьера и Мурьера денег не было.

Зато покупатели валили толпами и каждый день скупали всё что могли, больше всего карамель. Но денег никак не прибавлялось. Если кто и платил, только по пенсу за кулёк мятных лепёшек.

Но товарооборот был огромный, в десять раз больше, чем у Терезы Коттер.

Поскольку денег всё не поступало, Терьеру и Мурьеру приходилось поедать свои собственные товары. Терьер поедал печенье, а Мурьер — сушёную треску. Они ели при свече, когда магазин закрывался.

Наступило первое января, начался новый год, а денег всё не было, и Терьеру не на что было покупать собачью лицензию. В Англии владельцы собак всегда в начале года покупают лицензию — разрешение держать собаку, иначе собаку могут отобрать.

— Не знаю, как жить без лицензии. Я боюсь полиции, — сетовал Терьер.

— Ты сам виноват, что ты терьер. Что за дурная порода! Мне, например, лицензия не нужна. Как и шотландским овчаркам — колли Фреда знаешь?

— Кто ж его не знает! Но при чём он? Что я скажу, когда меня вызовут в полицию? Я пытался купить лицензию на почте в кредит. Не получилось. И всюду полно полиции. Я встретил полицейского по дороге домой. Давай снова пошлём счёт Крису Усачу. Он задолжал нам 22 шиллинга 9 пенсов за ветчину.

— Пустое дело. Ничего он не заплатит, — возразил Мурьер.

— А его жена, старая крыса Анна Мария, по-моему, просто ворует. Куда делись все сливочные крекеры?

— Да ты сам их слопал, — ответил Мурьер.

Терьер и Мурьер пошли в заднюю гостиную, сели за стол и принялись проверять счёта. Они долго складывали, прибавляли и умножали.

— У Криса Усача счёт такой же длинный, как его хвост, — сказал Мурьер. — А с октября он набрал нюхательного табака унцию и три четверти.

— Сколько будет стоить семь фунтов масла по шиллингу три пенса, брусок сургуча и четыре спички?

— Сейчас скажу... И пошли счёта всем снова «с наилучшими пожеланиями», — ответил Мурьер.

Вдруг сильно хлопнула входная дверь. Терьер и Мурьер сразу выбежали из гостиной. В магазине стоял полицейский и что-то писал в записной книжке. На прилавке лежал большой конверт.

Терьеру чуть не стало дурно. Он залаял и угрожающе оскалил зубы.

— Ату, ату! — шипел Мурьер, спрятавшись за бочкой с сахаром. — Ну давай же, он всего только немецкая кукла!

И в самом деле, у полицейского были глаза из бусинок, а шлем был пришит к голове нитками. Но он продолжал невозмутимо писать в записной книжке. Дважды он задумчиво облизнул кончик карандаша и дважды обмакнул карандаш в джем.

Терьер лаял, пока не охрип. В конце концов полицейский удалился. Но остался конверт.

— Как ты думаешь, он пошёл за настоящим, живым полицейским? — спросил Терьер. — Боюсь, что в конверте — повестка явиться в суд.

— Нет, — сказал Мурьер, распечатав конверт, — это сборы и налоги, с нас причисляется 3 фунта 19 шиллингов и 11 пенсов.

— С меня хватит, — сказал Терьер. — Давай закрывать магазин. Пусть торговлей занимается кто-нибудь другой.

— Да, продавцы мы никудышные, — согласился Мурьер.

Они заперли дверь, ставни и бросили магазин.

Мурьер обосновался на окраине деревни, на пустыре. Чем он занялся — неизвестно. Впрочем, все, кто его видел, говорят, что он вполне упитан и доволен собой. А Терьер поступил на работу лесничим.

Как только закрылся магазин под вывеской «ТЕРЬЕР и МУРЬЕР», Тереза Коттер немедленно подняла все цены на полпенса. А в кредит, как известно, она не торговала.

Конечно, кое-что можно было всегда купить в лавке на колёсах. В двуколках разъезжали мясник, торговец рыбой и булочник Тимоти. Но невозможно питаться только крекерами, печеньем и сдобными булочками, даже если сдобные булочки такие вкусные, как у Тимоти!

Через некоторое время в деревне открылся новый магазинчик, где продавались мятные лепёшки и свечи. Это не был настоящий магазин, просто мистер Джон Дремаус с дочерью выдавали свечи и мятные лепёшки прямо из своего мышиного

дома. Но свечи у них были слишком длинные и толстые. Мыши привыкли к свечам помельче. А одну такую приходилось тащить впятером. И вообще Дремаусовы свечи вели себя удивительно в тёплую погоду. Они склоняли головки, роняли восковые слёзы на скатерть — мимо чашечки подсвечника — и быстро гасли, заплаканные. А мисс Дремаус не желала принимать обратно огарки от огорчённых покупателей.

Когда же приходили к мистеру Джону Дремаусу, тот выслушивал жалобы в постели. Он любил днём подремать.

— Я тут, знаете ли, так пригрелся,— отвечал мистер Дремаус, сладко зевая и потягиваясь.

Конечно же, розничная торговля так не ведётся.

Поэтому все очень обрадовались, когда увидели печатный плакат, который выставила крапчатая курица Энни Пенни, она снова открывала свой магазин:

**«В день открытия —
ДЕШЁВАЯ РАСПРОДАЖА!**

Любой товар у Энни

Вы купите за пенни!

Накопите пенни!

Приходите к Энни!»

И в самом деле, плакат был весьма завлекательным.

В день открытия магазин был забит покупателями. Толпы мышей набросились на ящики с печеньем.

Энни Пенни ужасно волновалась, подсчитывая мелочь, но всё равно требовала, чтобы платили наличными, а не в кредит. Главное — покупателям нравилось, что она безобидна. Никто её не побаивался, как прежних хозяев Терьера и Мурьера.

Она приготовила маленькие дешёвые наборы товаров. Их быстро расхватили. Все остались очень довольны.

Сказка про миссис Мыштон

Жила-была лесная мышь, и звали её миссис Мыштон.

Она жила в насыпи под живой изгородью.

Какой у неё был забавный дом! Длинные коридоры вели к кладовым, зернохранилищам и погребкам, где она держала орехи. По стенам шли корни живой изгороди.

В её доме была кухня, гостиная, буфетная и чулан. И ещё у миссис Мыштон была спальня. Кровать она устроила из деревянного короба.

Маусина Мыштон была ужасной чистюлей, всё время подметала песчаные полы и протирала пыль.

Иногда в коридоре ей попадался случайно залетевший жучок.

— Ножки-то надо вытирать, а то наследил как! Кыш отсюда! — говорила миссис Мыштон, потрясая совком.

А однажды к ней забрела старушка в красном пятнистом плаще.

— Дайте водицы напиться, миссис Мыштон!

— О чём вы думаете, матушка Божья Коровка? Быстрее летите на небо! Там ваши детки кушают котлетки и раздают их собакам!

Так она спровадила Божью Коровку.

А то как-то зашёл укрыться от дождя большой жирный паук.

— Можно у вас отсидеться, миссис Мыштон?

— Уходи, наглый паук! Тебя только пусти, потом неделю отдирать со стен твою липкую паутину!

Так она прогнала паука. И он торопливо спустился из окна по тонкой длинной нити.

Как-то миссис Мыштон отправилась в дальнюю кладовую за вишнёвыми косточками и семенами чертополоха к обеду.

Идя по коридору, она всё время принохивалась и поглядывала на пол.

— Вроде бы мёдом пахнет. Откуда, скажите на милость? А вот и следы чьих-то грязных ножек...

Вдруг за углом она увидела шмеля Джима Шмелли.

— Дззз! Джжж! — сказал Джим.

Миссис Мыштон строго поглядела, пожалев, что не взяла с собой метлу.

— Здравствуй, Джим Шмелли. Вообще я собиралась к тебе зайти, купить воска. Но что ты-то у меня делаешь? И почему ты всегда влетаешь в окно? Разве у моего дома нет дверей? И зачем жужжишь и зудишь? — начала сердиться миссис Мыштон.

— Дззз! — раздражённо прожужжал в ответ Джим Шмелли. Он продвинулся бочком вперёд и скрылся в кладовой. Там обычно хранились жёлуди. Но сейчас их не было: миссис Мыштон съела последний жёлудь в канун Рождества. Зато было полно мусора — сухого мха.

Миссис Мыштон решила расчистить кладовую и принялась вытаскивать мох. Из него высунулись три пчелы и свирепо зажужжали.

— Я комнат не сдаю, мне постояльцы не нужны! — сказала миссис Мыштон. — Вон отсюда!

— Жжжж!

— Кто мне поможет их выставить?

— Жжж!

— Только не мистер Жабсон, он никогда не вытирает ноги.

Тяжело вздохнув, миссис Мыштон решила заняться пчёлами после обеда.

Вернувшись в гостиную, она услышала чей-то громкий кашель: у неё сидел сам мистер Жабсон! Он сидел в кресле-качалке, шевеля пальцами, улыбаясь и уперев ноги в каминную решётку.

Он жил в канаве под изгородью, в очень грязной и мокрой канаве.

— Как поживаете, мистер Жабсон? Помилуйте, да вы насквозь промокли!

— Спасибо, спасибо, вы очень любезны, миссис Мыштон! Я вот посижу и подсушусь.

Он сидел и улыбался. С фалд его пиджака капала вода. Миссис Мыштон пошла за тряпкой.

Он сидел очень долго, даже слишком. Пришлось спросить, не желает ли он пообедать.

Вначале ему были предложены вишнёвые косточки.

— Спасибо, вы очень любезны, миссис Мыш-

тон. Но мне нечем жевать, зубов нет! — сказал мистер Жабсон.

Он широко разинул рот: и в самом деле, у него не было ни одного зуба.

Тогда ему были предложены семена чертополоха.

— Тили-тили-тили-бом! — сказал мистер Жабсон и дунул: — Пуф-пуф-пуф!

Пушинки чертополоха разлетелись по всей комнате.

— Спасибо, вы очень любезны, миссис Мыштон! Чего бы я, *честно говоря*, хотел, — это мёда!

— Боюсь, что у меня не найдётся, мистер Жабсон, — сказала миссис Мыштон.

— Тили-тили-тили-бом, миссис Мыштон! — улыбаясь сказал мистер Жабсон. — А чем тогда у вас *пахнет*? Я ведь пришёл к вам по запаху.

Мистер Жабсон задумчиво встал из-за стола и принялся отпирать дверцы шкафов и выдвигать ящики.

Миссис Мыштон ходила за ним с тряпкой и вытирала с пола гостиной большие мокрые следы.

Убедившись, что в шкафах мёда нет, он двинулся по коридору.

— Послушайте, мистер Жабсон, вы там застрянете!

— Тили-тили-тили-бом, миссис Мыштон!

Вначале он протиснулся в буфетную.

— Тили-тили? Тили-бом? Нет мёда? Нет мёда, миссис Мыштон?

В сушилке для посуды спрятались три мокрицы. Две удрали, но самую маленькую он поймал.

Потом он протиснулся в соседнюю с буфетной кладовую. Там лакомилась сахаром мисс Бабочка — она сразу же улетела в окно.

— Тили-тили-тили-бом, миссис Мыштон. Да у вас полно гостей!

— Я их не приглашала! — ответила Маусина Мыштон.

Они двинулись дальше.

— Тили-тили-тили...

— Дззз! Джжж!

За углом он увидел Джима и схватил его, но тотчас отпустил.

— Не люблю шмелей из-за щетины, — сказал мистер Жабсон, вытирая рот рукавом пиджака.

— Иди отсюда, жаба! — взвизгнул Джим Шмелли.

— Я сойду с ними с ума! — воскликнула миссис Мыштон.

И заперлась в погребке с орехами. Тем временем мистер Жабсон вытаскивал пчелиное гнездо. На укусы он не обращал внимания.

Когда миссис Мыштон отважилась выйти из укрытия, никого уже не было. Но грязь кругом была ужасная.

— Подобного беспорядка я ещё не видела. И мох, и капли мёда, и чертополох, и грязные следы ног и ножек... Во что превратился мой дом!

Она собрала мох и остатки воска.

Потом взяла несколько прутьев и укрепила их в дверях. Парадный вход стал поуже.

— Теперь уж мистер Жабсон не пролезет!

Из чулана миссис Мыштон принесла жидкое мыло, тряпку и новую щётку. Но она так устала, что не могла ничего делать. Она на минутку присела в кресло и уснула. А потом легла в постель.

— Когда же у меня снова будет чисто? — прошептала несчастная миссис Мыштон.

Она встала рано утром и принялась за весеннюю уборку. Уборка продолжалась две недели.

Она подметала, мыла и скоблила. Натёрла воском мебель и начистила песком жестяные ложки.

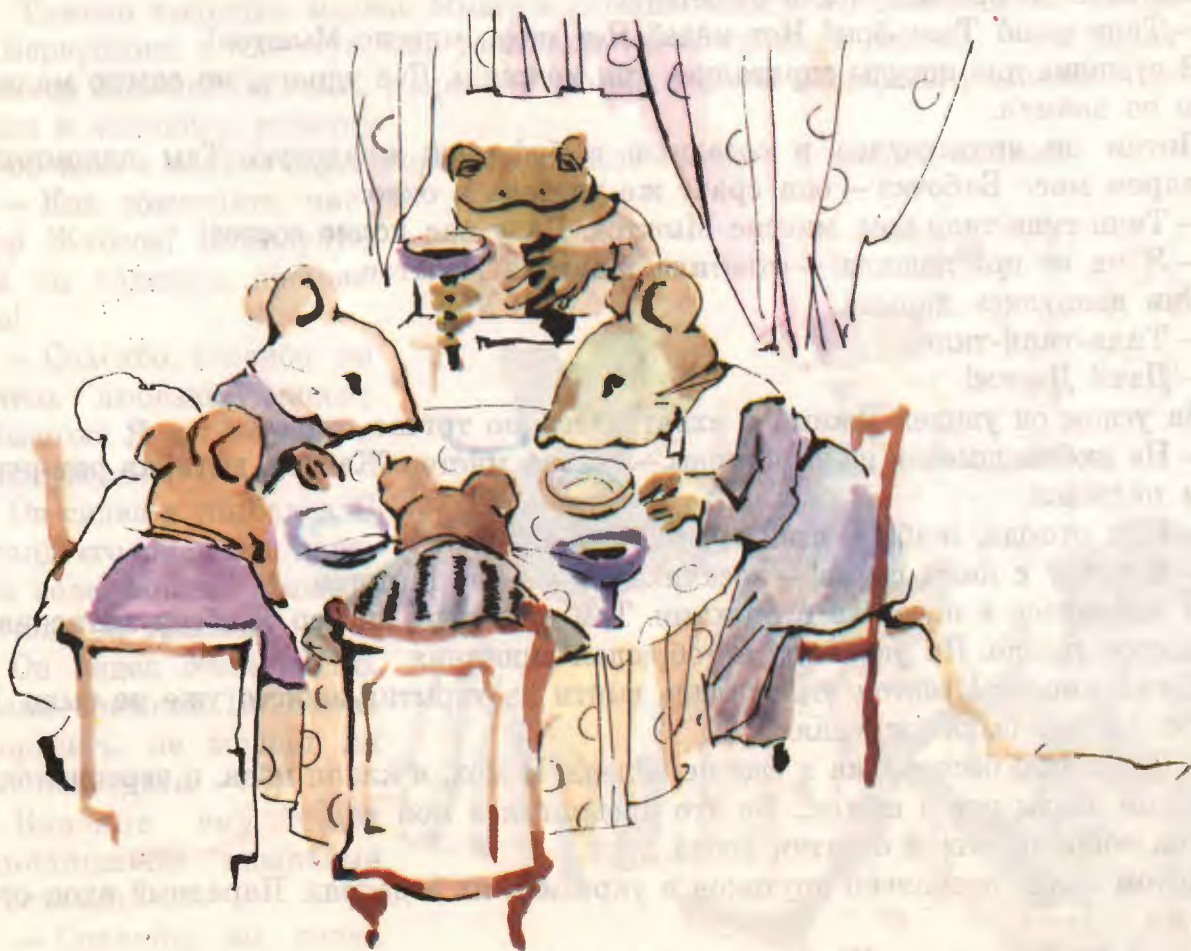
Когда всё стало безукоризненно чистым и опрятным, она устроила праздник и пригласила пятерых мышей, а мистера Жабсона не позвала.

Но он учуял вкусные запахи и вскарабкался на насыпь. Однако протиснуться в дом не смог.

Зато через окно ему подавали желудёвые чашечки, наполненные медвяной росой, и он ничуть не обиделся.

Он сидел на солнышке и приговаривал:

— Тили-тили-тили-бом! Ваше здоровье, миссис Мыштон!

Тим Коготок

Тим Коготок был толстенький, носил серый хвост и красную курточку. Он жил в гнезде на высоком дереве вместе со своей женой — белочкой Бетси.

— Дорогая Бетси,— как-то раз сказал Тим Коготок.— Орехи созрели, пора готовить запасы на зиму.

— У нас такое уютное гнездо,— ответила его жена, утепляя мхом стены, сплетённые из прутиков,— мы всю зиму будем спать.

— Но за зиму мы похудеем,— возразил предусмотрительный Тим Коготок,— и весной, когда проснёмся, нам нечего будет есть.

Когда пришли в соседний орешник, они увидели, что там уже готовят запасы другие белки. Тим повесил курточку на сучок, и они принялись собирать орехи.

Каждый день они выходили по несколько раз и набивали орехами мешки, а потом оттаскивали их в кладовые, устроенные в пустотах под пнями.

Когда эти кладовые заполнились, Тим и Бетси стали вываливать добычу в узкое дупло высоко на дереве, где когда-то жил дятел. Орехи с мелодичным перестукиванием скатывались по стенкам вниз.

— Как мы их оттуда будем доставать? — спросила Бетси.— Дупло такое узкое, что ни мне, ни тебе в него не пролезть.

— Я ведь похудею к весне, любовь моя,— ответил Тим Коготок, заглянув вовнутрь.

Им удалось сделать солидные запасы, потому что Тим Коготок с женой запомнили свои пни и дупла. А другие белки зарывали орехи прямо в землю, на ровном месте, и поэтому часто не могли вспомнить — где же их кладовые.

Из всех белок в лесу самым забывчивым был бельчонок Чарли. Он копался в земле там и сям и наконец вместо своего нашёл чужой тайник.

— Сейчас получишь на орехи! — закричали хозяева, и Чарли крепко досталось. Тут все белки бросились копать, чтобы проверить, не растащили ли их запасов. В лесу поднялся гвалт.

На шум прилетела стайка птичек — они прыгали с куста на куст, отыскивая

зелёных гусениц и пауков. Птички были разные, и песни у них были разные.

— *Кто залез в мою-у кладовку?*
Кто залез в мою-у кладовку?

— пела одна птичка.
А другая пела так:

— *Корочка с и-икорочкой!*
Корочка с и-икорочкой!

Белки прислушались. Первая птичка перелетела на куст, где Тим Коготок и Бетси спокойно связывали свои мешки, и снова запела:

— *Кто залез в мою-у кладовку?*
Кто залез в мою-у кладовку?

Тим Коготок не отвечал и продолжал работать. А птичка и не ждала ответа, она просто щебетала, её песня ничего не значила.

Но белки поверили птице. Они бросились на Тима Коготка, стали его царапать и опрокинули мешок с орехами. А напуганная птичка улетела.

Тим Коготок вырвался и побежал к своему гнезду. За ним неслась толпа разъярённых белок с криком:

— *Кто залез в мою кладовку?*

Тима Коготка поймали, потащили куда-то наверх, как оказалось, по случайности, к его заветному дуплу и запихнули внутрь. Белкам пришлось приложить немало усилий, чтобы про-

толкнуть толстячка через узкое дупло, и они чуть не переломали ему рёбра.

— Пусть там сидит, пока не признается,— объявил Чарли и потом прокричал в дупло: — *Кто залез в мою кладовку?*

Тим Коготок ничего не ответил. Оглушённый падением с высоты, он лежал на орехах — тех самых, что насобирали и запасли они с Бетси.

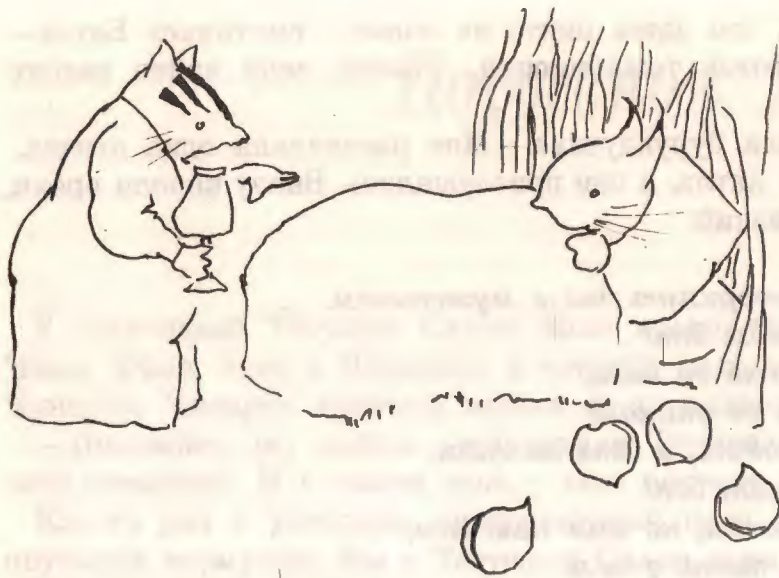
А Бетси подобрала мешки и пошла домой. Дома она заварила чай и стала ждать мужа, но Тим Коготок всё не возвращался. Целый вечер прождала Бетси и бессонную ночь, а наутро пошла к орешнику, где накануне они собирали орехи, но сердитые белки прогнали её прочь.

Она скиталась по лесу и звала:

— Тим! Коготок! Где ты?

А Тим Коготок едва успел прийти в себя. Он лежал в крохотной постели,

укрытый одеялом из мха. Хотелось пить. Было темно — словно под землёй. Тим Коготок кашлял и постанывал: болели намятые бока. Послышался шорох, и с ночником в руке появился полосатый бурундучок.

— Как вы себя чувствуете? — спросил бурундучок.

— Довольно скверно, — признался Тим Коготок.

— Наденьте, пожалуйста, этот ночной колпак, — засуетился бурундучок. — Сейчас я принесу вам воды и что-нибудь поесть. У нас полны закрома. В

последнее время сверху часто шёл ореховый дождь. К тому же я недавно нашёл кучу спрятанных орехов.

Рассказ Тима очень развеселил бурундука.

Неделю-другую Коготку надо было отлежаться. А гостеприимный хозяин закармливал его вкусными орехами.

— Как же я выберусь из дупла? Мне для этого надо худеть! — тревожился Тим Коготок.

— Ну ещё один орешек, пожалуйста, я вам очищу!

Тим Коготок становился жирнее и жирнее...

Бетси теперь приходилось работать одной. Она больше не носила орехи к дуплу дятла: её всегда беспокоило, как их потом доставать. Теперь она высыпала орехи в ложбинку под одним деревом, и они сразу исчезали под землёй. Когда однажды Бетси опорожнила особенно большой мешок, под корнями кто-то запищал, а в следующий раз из-под корней торопливо выбрался полосатый бурундучок в белом переднике.

— Гостиная уже доверху завалена вашими орехами, а они всё катятся и катятся с лестницы. Мой муж Бруно не выдержал и ушёл из дому. В чём я виновата перед вами, что вы сыплете орехи мне на голову?

— Простите, мадам, я думала, что здесь никто не живёт,— смутилась Бетси.— Признаться, мой муж Тим Коготок тоже пропал... Может, если найти вашего мужа... Вы знаете, где Бруно?

— Я знаю, где Бруно,— ответила бурундучиха.— Мне рассказала одна птичка. Бренда привела Бетси к дуплу дятла, и они прислушались. Внизу кололи орехи, и пели два голоса, высокий и низкий:

Однажды поссорились мы с муженьком.

Дон, дили-дидл, дон!

Ах, ерунда, что за беда,

Кто с этим не знаком!

И ночь проходит, и день за днём.

Дон, дили-дидл, дон!

Мы славно жили, но мал наш дом,

Двоим было тесно в нём.

— Дупло узкое, но вы пройдёте,— сказала Бетси.

— Пройду,— согласилась Бренда,— но мой муж Бруно кусается!

Снизу доносился хруст орехов, и потом снова пение на два голоса:

И ночь проходит, и день за днём,

Дон! Дили-дидл, дон!..

Тогда Бетси сунула голову в дупло и крикнула:

— Коготок! Коготок! Отзовись!

— Это ты, Бетси? Не может быть!

Тим Коготок вскарабкался наверх и поцеловал Бетси в нос, показавшийся в дупле: Коготок до того разжирел, что даже не стал пытаться выбраться.

Бруно не был такой жирный, но он просто не пожелал подниматься, а только хихикал внизу. Миновало две недели... А потом налетел сильный ветер и сломал дерево. Да ещё хлынул дождь. В сломанном дереве стало мокро и неудобно. Зато Тим Коготок сразу выбрался и пошёл под зонтом домой.

А Бруно ещё неделю провел под открытым небом, не желая возвращаться к Бренде. Ночевать приходилось в самых неудобных местах.

Вскоре в лесу появился огромный медведь. Он задумчиво бродил и чего-то вынюхивал. Уж не орехи ли? Бруно решил не гадать и поскорее вернуться домой.

Дома выяснилось, что у Бруно насморк. Ему пришлось закутаться в плед и парить ноги в горячей воде с горчицей.

Тим Коготок и Бетси теперь запирают свою ореховую кладовую на подвесной замок. А злосчастная птичка напевает как ни в чём не бывало:

— Кто залез в мою кладовку?

Кто залез в мою-у кладовку?

Поросёнок Хью

У старенькой Тётушки Салли было восемь детишек; четырёх девочек звали Чама, Фина, Элен и Пенелопа, а четырёх мальчиков — Александр, Хью, Нюхи и Чинарик. Чинарик лишился хвоста из-за несчастного случая.

— Похрюпать мы любим,— говаривала Тётушка Салли, с гордостью оглядывая своё семейство. И в самом деле, у всех поросят был отличный аппетит.

Как-то раз я услышала пронзительный писк — это Александр застрял между прутьями кормушки. Мы с Тётушкой Салли вытащили его за задние ноги.

С поросёнком Нюхи тоже приключилась беда: у нас был банный день, и он проглотил кусок мыла.

Тогда же в корзине с выстиранным бельём мы нашли какую-то грязную чушку.

— Это ещё кто такая? — ворчала Тётушка Салли.

В поросящем семействе все малыши розовые, или розовые с чёрными пятнами, а эта была сплошь чёрная. Её окунули в кадку с тёплой водой, потёрли щеткой, и из почерневшей воды вышла сияющая розовощёкая Элен!

Я пошла в сад и обнаружила там Чаму и Фину: они выдёргивали морковку. Я их отшлёпала и выволокла за уши из сада. Чама пыталась кусаться.

— Тётушка Салли! — сказала я наконец. — Вы дама уважаемая, но у вашего молодого поколения воспитание подкачалось. Пенелопой и Хью вы можете гордиться, но остальные то и дело попадают в какие-то истории.

— Ваша правда! — вздохнула Тётушка Салли. — А как молоко хлещут — ведрами! Просто беда! Хоть вторую корову заводите. Так что красавицу Пенелопу я, пожалуй, оставлю дома по хозяйству, а другим придётся отчалить. Всё равно четыре поросёнка и четыре хрюшки — многовато! Ваша правда, — снова вздохнула Тётушка Салли. — Без лишних ртов еды у нас будет побольше.

Нюхи и Фина уехали в тачке, а Чинарик, Элен и Чама укатили в двуколке.

Последние два поросёнка, Хью и Александр, должны были пешком отправиться на рынок. Мы им почистили сюртуки, завили хвостики и простились с ними у ворот.

Тётушка Салли приложила к глазам большой носовой платок, потом наклонилась к поросёнку Хью и утёрла ему нос, а затем передала платок Пенелопе.

— Хью, сынок, — со вздохом сказала Тётушка Салли, — вы с Александром пойдёте на рынок. Возьми брата за руку. Не перепачкай свой воскресный костюм и вовремя высмаркивай нос. — Тут Тётушка Салли снова всем поочередно вытерла

носы.— Берегитесь капканов, держитесь подальше от курятников, помните, что яичницу часто жарят с ветчиной и что можно ходить только на задних лапках.— Хью не был плаксой, но когда он посмотрел на мать, у него по щеке скатилась большая слеза.— Александр,— обратилась к другому поросёнку Тётушка Салли,— возьми за руку твоего брата Хью, вы идёте на рынок. Следите за указателями дорог, верстовыми столбами и не подбирайте селёдочные кости.

— Запомните,— добавила я внушительно,— что стоит вам хоть раз пересечь границу графства, обратно уже дороги нет. Александр, не отвлекайся. Вот две лицензии, каждая предоставляет право одному поросёнку попасть на рынок в Ланкашире. Послушай, Александр, эти бумаги мне выдал полицейский, и получить их было не так уж просто.

Поросёнок Хью слушал очень внимательно, а Александр — с безнадежно легкомысленным выражением.

Документы я положила им в жилетные карманы и пришила булавками, чтобы не потерялись.

Тётушка Салли выдала обоим на дорогу по узелку с едой и по восемь мятных леденцов в бумажных фантиках — на фантиках она написала моральные наставления на разные случаи жизни. С этим поросята и отправились в путь.

Хью пробежал ровной рысцей больше мили, а Александр скакал от одного края дороги к другому. Он приплясывал и щипал брата, напевая:

*Эта свинка шла на рынок,
Эта — дома без ботинок,
Эта съела пять котлет,
А у той котлеты нет.*

*Эта плачет: «Где я? Где?
Неужели быть беде?
Где дорога, где мой дом —
За рекою? За холмом?»*

Тут же он начал снова:

*Эта свинка шла на рынок,
Эта — дома без ботинок,
Эта съела пять котлет...*

— Кстати, Хью,— воскликнул Александр.— Давай посмотрим, что нам приготовили на обед!

Братья расположились под деревом и развязали узелки. Александр проглотил свой обед в одну секунду, с леденцами он уже давно покончил.

— Хью, дай, пожалуйста, один из твоих «моральных» леденцов,— попросил Александр.

— Я хочу придержать их на случай чрезвычайных обстоятельств...— неуверенно возразил Хью.

Александр заливисто расхохотался и уколол брата булавкой, которой была пришпилена его лицензия. Хью шлёпнул его по щеке, Александр уронил булавку и попытался тогда вытащить булавку из жилета Хью— при этом все бумаги перемешались.

Хью отчитал Александра.

Но они помирились и снова тронулись в путь, напевая:

*Том на дудочке играл,
Поросёнка Том украл.
Пела дудочка в руке
«За холмами, вдалеке».*

— Позвольте, позвольте, молодые господа! Кто украл поросёнка? Позвольте взглянуть на ваши лицензии,— сказал полицейский. Братья столкнулись с ним за поворотом.

Хью вытащил свою лицензию, а Александр, порывшись в карманах, отдал полицейскому какую-то смятую бумажку.

— «Две с половиной унции леденцов за три фартинга»,— прочитал полицейский.— Это ещё что? Это не лицензия.

У Александра вытянулась мордочка: он потерял лицензию.

— У меня была лицензия!— воскликнул Александр.— Честное слово, господин полицейский!

— Разумеется, вас не могли отправить в дорогу без лицензии. Я пойду мимо вашей фермы. Извольте следовать за мной.

— А можно мне вместе с вами вернуться обратно?— спросил Хью.

— Не вижу причины, юноша. Ваши бумаги в полном порядке.

Поросёнку Хью не хотелось продолжать путь одному, к тому же начал накрапывать дождь. Но никто, будучи в здравом рассудке, не вступает в пререкания с полицией: Хью дал брату мятный леденец и взглядом проводил Александра с полицейским, пока они не скрылись из виду.

Вот так и закончились приключения Александра: полицейский постучал в дом во время вечернего чая, позади полицейского уныло стоял пристыжённый поросёнок.

Я отдала Александра соседям— он скоро привык к новому месту и жил-поживал, не зная горя.

А огорчённый Поросёнок Хью продолжал путь в одиночестве, пока не пришёл к перекрёстку с указателем дорог:

До Рыночного Городка — 5 миль

За Холмы — 4 мили

До Фермы Салли — 3 мили

Поросёнок Хью расстроился: надежды переночевать в Рыночном Городке почти не было, а на завтра назначена ярмарка по найму — просто ужас сколько времени он потерял из-за легкомысленного Александра!

Он бросил печальный взгляд на дорогу, уходящую за холмы, и послушно, застегнувшись на все пуговицы от дождя, двинулся по другой — на Рыночный Городок. По правде, он никогда не стремился на рынок. Он с отвращением думал о том, как придётся стоять среди толпы, чтобы на тебя глазели, чтобы тебя пихали и чтобы в конце концов тебя забрал в наём незнамо кто, эдакий верзилистый фермер.

— Эх, был бы у меня свой собственный огород, где сажать картошку! — мечтательно воскликнул Хью.

Он засунул озябшую лапу в правый карман и нащупал свою лицензию, сунул другую лапу в левый карман и обнаружил ещё одну бумагу... лицензию Александра! Поросёнок взвизгнул и помчался обратно в надежде догнать брата с полицейским. По ошибке он повернул не туда, потом ещё и ещё раз, и совсем заблудился. Темнело, свистел ветер, деревья кряхтели и постанывали.

Поросёнок Хью испугался и жалобно пробормотал:

Заблудился... Где я? Где?

Неужели быть беде?

Где дорога, где мой дом —

За рекою? За холмом?

Проплутав целый час, он выбрался из леса на пригорок, луна ярко светила в облаках, и поросёнок увидел совершенно незнакомые места.

Дорога проходила через поросший вереском торфяник, по широкой долине с мерцающей в лунном свете речушкой, а в туманном далеке вставали холмы.

Хью заметил небольшой деревянный сарайчик и направился к нему.

— Очень похоже на курятник... Но что же делать? — пробормотал вымокший, озябший и ужасно уставший Поросёнок, пробираясь внутрь.

— Яичница с ветчинко-ко-кой! С ветчинко-ко-кой! — клохтала курица на шесте.

— О-короко-ко! Окорок-о-ко! С окоро-ком! — возражал ей петух.

— На рынок, коко! Рынко-ко-ко! Ярмарка-а-а! — квохтала белая несущка, сидевшая рядом с петухом.

Сильно встревоженный Поросёнок Хью решил уйти на рассвете. А пока что он заснул — вместе с курами.

Не прошло и часа, как все проснулись. Хозяин, мистер Питер Томас Дудитл,

пришёл с фонарём и большой корзиной, чтобы выловить полдюжины птиц и поутру отвезти на рынок. Он схватил белую несушку, сидевшую рядом с петухом, и бросил в корзину.

Вдруг его взгляд упал на скрюченного в углу Поросёнка Хью.

— Ага, вот ещё один! — только и сказал мистер Дудитл, схватил Поросёнка за загривок и швырнул в корзину. А сверху побросал ещё пять грязных кур — они царапались и кудахтали:

— Куд-куда? Куд-куда? Куд-куда?

Корзина с шестью птицами и Поросёнком была отнюдь не лёгкой ношей, мистер Дудитл нёс её под гору, спотыкаясь и стучаясь об неё коленом. Хотя и расцарапанный курами до крови, Хью всё-таки уберёг документы под одеждой.

В конце концов корзину бросили на пол в кухне, крышку открыли и Поросёнка вынули. Хью поднял глаза: над ним склонился чрезвычайно уродливый пожилой господин с ухмылкой до ушей.

— Во всяком случае этот пришёл сам, — сказал мистер Дудитл, выворачивая карманы поросёнка. Он затолкнул корзину в угол, набросил на неё мешок, чтобы куры утихли, поставил чайник на огонь и расшнуровал ботинки.

Поросёнок пододвинул к очагу медную трёхногую табуретку и присел на краешек, робко протянув руки к огню. Мистер Дудитл снял ботинок и зашвырнул в дальний угол кухни.

Послышался какой-то приглушённый звук.

— Заткнись! — рявкнул мистер Дудитл.

Поросёнок Хью наблюдал за ним, греясь у очага.

Мистер Дудитл снял второй ботинок и швырнул туда же. Снова раздался загадочный звук.

— Ты успокоишься там? — раздражённо проговорил мистер Дудитл.

Хью сидел на самом краешке медной табуретки.

Мистер Дудитл вынул крупу из буфета и сварил кашу.

«Кажется, в углу притаился кто-то чересчур жадный до каши», — подумал Поросёнок, но он слишком проголодался, чтобы обращать внимание на разные звуки.

Мистер Дудитл разложил кашу в три тарелки: для себя, для Хью, — а третью тарелку, поглядев на Поросёнка, запер в шкаф. Хью скромно съел свой ужин.

После ужина мистер Дудитл полистал календарь

фермера и ощупал пороссячи рёбрышки: для копчения грудинки сезон уже прошёл, и ему стало жаль каши, которую съел Хью. Да и куры уже видели этого поросся...

Он взглянул на остатки копчёного свиного бочка и неуверенно посмотрел на Поросёнка.

— Ты можешь спать на ковре, — сказал мистер Питер Томас Дудитл.

Поросёнок Хью спал как убитый.

На следующий день потеплело. Утром мистер Дудитл снова сварил кашу. Открыв шкаф, фермер проверил, сколько осталось еды, — по лицу было видно, что он недоволен.

— Тебе, наверно, скоро в дорогу? — спросил он Поросёнка.

Хью не успел ответить: у ворот свистнул сосед, который согласился подбросить на рынок мистера Дудитла с курами. Мистер Дудитл заторопился с корзиной и приказал Поросёнку закрыть за ним дверь.

— И не суй свой свинячий нос куда не следует. А то я приду и сдеру с тебя шкуру! — пригрозил мистер Дудитл.

Поросёнку пришло в голову, что в двуколке он бы ещё поспел на рынок вовремя. Но он не хотел доверять Питеру Томасу.

Неторопливо закончив завтрак, Хью огляделся: всё в доме было заперто. В крошечной кухне у чёрного хода он нашёл ведро с картофельной кожурой. Кожуру Поросёнок съел, а в ведре вымыл тарелки от каши. За работой он напевал:

*Том на дудочке играл,
Поросёнка Том украл.
Пела дудочка в руке
«За холмами, вдалеке».*

*Выходите, люди-звери,
Дудка дует в окна, двери.
Пойте, рыбины в реке,
«За холмами, вдалеке»!*

Вдруг тихий приглушённый голос стал подпевать:

*Туда, за холмы, где дороги спят,
Ветер сорвёт-унесёт мой бант!*

Хью поставил на полку тарелку, которую вытирал полотенцем, и прислушался. Обождав некоторое время, Поросёнок прошёл на цыпочках к большой кухне и осторожно выглянул из дверей.

Там никого не было.

Выждав ещё какое-то время, Хью подошёл к запертому буфету и прижал нос к замочной скважине. Внутри было тихо.

Ещё немного обождав, Поросёнок взял мятный леденец и подсунул под дверцу буфета.

Леденец кто-то тотчас всосал.

В продолжение дня Поросёнок подсунул под дверцу все остальные шесть леденцов.

Когда мистер Дудитл вернулся, Поросёнок сидел у очага: он подмёл каминную доску и поставил на огонь чайник; еды было взять негде.

Мистер Дудитл был очень ласков: похлопал Поросёнка по спине, сварил много каши и даже забыл запереть ящик, где хранилось мясо. Он запер дверцу буфета, но не закрыл её как нужно — и рано пошёл спать.

Да ещё наказал Поросёнку не будить его с утра, ни в коем случае, — до двенадцати часов.

Поросёнок Хью сидел у огня, поедая свой ужин.

Вдруг у него за спиной прозвучал тихий голосок:

— Меня зовут Нэнси-Свинэнси. Сделайте мне ещё каши, пожалуйста!

Поросёнок Хью подпрыгнул и обернулся.

Очаровательная беркширская свинка чёрного цвета, улыбаясь, стояла у Поросёнка за спиной. У неё были блестящие, чуть на выкате, часто мигающие глазки, двойной подбородочек и небольшой вздёрнутый носик.

Она кивнула на недоеденный ужин Поросёнка — он торопливо отдал ей свою тарелку и бросился к ящику с мясом.

— Как вы сюда попали? — спросил Хью.

— Краденая я, — ответила Нэнси с набитым ртом. Поросянок и сам накладывал себе без стеснения.

— Меня украли, — снова сказала чёрная свинка.

— Чего ради? — спросил Хью.

— Ради ветчины, копчёной корейки, сала, — бодро ответила Нэнси-Свинэнси.

— Почему же вы не бежите отсюда? — воскликнул Хью в ужасе.

— После ужина непременно, — решительно сказала Нэнси.

Поросянок Хью приготовил ещё каши и застенчиво наблюдал, как она ест.

Нэнси закончила вторую тарелку, встала и огляделась, словно приготовилась в дорогу.

— В темноте идти нельзя, — сказал Хью.

Нэнси казалась озабоченной.

— А днём вы найдёте дорогу домой? — спросил он.

— Я знаю, что белый домик, где я живу, виден с холмов за рекой. А вам в какую сторону, мистер?

— На рынок — у меня две свиные лицензии. Я мог бы проводить вас до моста, если позволите, — смущённо сказал Поросянок, сидя на краешке медного табурета.

Нэнси принялась благодарить его и засыпала столькими вопросами, что он уже не знал, как на них отвечать.

Тогда Хью решил закрыть глаза и притвориться спящим. Нэнси успокоилась, и сильно пахло мятой.

— Я думал, что вы их съели, — вдруг проснувшись, сказал Поросянок.

— Только краешки обгрызла, — ответила Нэнси-Свинэнси, стоя у огня и с любопытством изучая мораль, начертанную на фантиках.

— Лучше бы вы их убрали подальше, а то он учует их сквозь пол, со второго этажа, — встревожился Поросянок.

Нэнси положила лишние леденцы в карман.

— Спойте чего-нибудь! — потребовала она.

— Извините, пожалуйста... У меня болит зуб, — подавленно сказал Поросянок.

— Тогда я спою, — ответила Нэнси. Хью сидел с закрытыми глазами и наблюдал за ней.

Она раскачивалась на табуретке, отбивая такт, и тихо пела приятным хриловатым голоском:

Было три сына у Тётушки Хрю.

Они говорили «ням-ням» и «хрю-хрю».

«Ням-ням» означало «а где же еда?»

«Хрю-хрю» — это так, пустяки, ерунда.

Она удачно спела один куплет, только с каждой строкой кивала головой всё ниже, а её блестящие глазки перестали мигать и совсем слиплись:

*Вот так поживали, всё время жевали:
То булку, то клевер, то тётушкин веер.
И вдруг разучились «ням-ням» говорить,
И стали худеть на глазах и хандрить.*

*Худели-худели, и больше не ели.
Не ели — не ели, совсем похудели...
И к лучшим они обращались врачам,
Но так и не вспомнили слово «ням-ням»...*

Нэнси всё сильнее клевала носом, всё ближе к полу, пока кубарем не скатилась на каминный коврик у очага.

Поросёнок Хью подошёл на цыпочках и укрыл её вышитой салфеткой.

Сам он боялся ложиться спать и остаток ночи просидел, слушая верещание сверчков, — а наверху трубно храпел мистер Дудитл.

Рано утром перед рассветом Поросёнок приготовил свой дорожный узелок и разбудил Нэнси-Свинэнси. Она была взволнована и ей было немного страшно.

— Но ведь темно! Как мы пойдём? — беспокоилась она.

— Уже кричал петух, надо успеть до того, как выйдут куры из курятника. Они будут кричать во всё горло «Куда? Куда?» И несучки сразу же донесут про нас мистеру Дудитлу.

Нэнси-Свинэнси снова села и расплакалась.

— Пойдёмте, Нэнси! Надо немного привыкнуть к темноте, и всё будет видно. Идёмте! Я слышу, как они квохчут!

Ни одной курице Хью ни разу в жизни не сказал «кшш!» Он был мирный поросёнок. Но он не забыл, как вели себя куры в корзине.

Он тихо-тихо открыл дверь и так же тихо закрыл, когда они вышли. Сада вокруг дома не было, всю землю ободрали птицы. Держась за руки, поросёнок и свинка побежали через грязное поле к дороге.

Взошло солнце, когда они переходили торфяник: вначале появился яркий свет над вершинами холмов, а затем солнечные лучи поползли вниз по склонам — в тихие зелёные долины, где белые домики сидели в своих садиках, как в гнёздышках.

— Это Вестморленд, — сказала Нэнси-Свинэнси. Она выпустила руку Поросёнка и принялась танцевать и петь:

*Том на дудочке играл,
Поросёнка Том украл.
Пела дудочка в руке
«За холмами, вдалеке»!*

— Идёмте, Нэнси, нам надо поспеть к мосту, прежде чем выползут люди.

— Поросёнок, зачем вы хотите попасть на рынок? — спросила Нэнси.

— Вовсе я не хочу, я хочу сажать картошку.

— Дать вам леденец? — спросила свинка. Хью сердито отказался.

— Ваш бедный зубик всё ещё болит? — спросила Нэнси. В ответ Поросёнок недовольно хрюкнул.

Нэнси положила леденец в рот и пошла по противоположной стороне дороги.

— Нэнси, держитесь ближе к забору, там кто-то пашет, он может нас заметить.

Нэнси-Свинэнси перешла на другую сторону, и они торопливо пошли под гору к границе графства.

Вдруг Поросёнок остановился: послышался скрип колёс.

Навстречу, вверх по дороге, неторопливо подпрыгивая, катилась двуколка.

В ней сидел зеленщик и читал газету, спущенные поводья хлопали по спине лошади.

— Выньте конфету изо рта, Нэнси, мы сейчас, наверно, рванём. И не говорите ни слова. Положитесь на меня... А ведь до моста-то рукой подать! — воскликнул бедный Поросёнок, чуть не плача. Он взял Нэнси под руку и пошёл, сильно припадая на одну ногу.

Когда они поравнялись с двуколкой, лошадь фыркнула и шарахнулась — зеленщик оторвался от газеты и натянул поводья, а кончик кнута опустил на землю.

— Здорово! Вы-то куда направились?

Поросёнок уставился на него невидящим взглядом.

— Никак оглохли? На рынок идёте?

Поросёнок медленно кивнул.

— Я так и подумал. Рынок был вчера. Лицензии покажете?

Поросёнок разглядывал заднюю ногу лошади: в подкове застрял камень.

Зеленщик щёлкнул кнутом:

— Документы! Свиные лицензии!

Поросёнок покопался в карманах и протянул бумаги. Зеленщик прочитал, что там было написано, но остался недоволен.

— Эта свинья с вами — молодая леди. Значит, ее зовут Александром?

Нэнси-Свинэнси открыла рот... и закрыла, а Поросёнок закашлялся.

Зеленщик перевернул газету и стал водить пальцем по колонке объявлений:

— «Пропавшая, краденая или заблудшая. Вознаграждение — 10 шиллингов».

Он с подозрением посмотрел на Нэнси-Свинэнси.

Потом он встал на ноги и свистнул пахарю.

— Обождите, пока я съезжу и спрошу его кое о чём, — сказал зеленщик, взявшись за вожжи. Он знал, что свиньи запросто дают дёру, но хромые не бегают!

— Ещё рано, Нэнси, он может поглядеть назад.

Зеленщик посмотрел через плечо: две свинки стояли, замерев посреди дороги. Потом он посмотрел на копыта лошади, лошадь тоже хромала: ему ещё предстояло выбивать камень из подковы — на это потребовалось время, после разговора с пахарем.

— Ну, Нэнси, понеслись! — воскликнул Поросёнок Хью.

Никогда ещё свиньи не бежали так быстро, как эта пара!

Они с визгом мчались вниз по склону белого холма — к мосту. Платице жирненькой Нэнси развевалось, то и дело она прыгала, и её ножки топали: топ-топ-топ.

Они бежали, бежали, бежали, у подножия холма срезали дорогу по зелёному дёрну, мимо камышовых зарослей, добежали до прибрежной гальки, —

*и дальше — вон туда — к реке,
и по мосту — рука в руке —
быстрее,*

Хью и Нэнси!

*И за холмами, вдалеке —
там, за холмами, вдалеке
танцуют*

Сказка про Джонни Горожанина

Деревенский мышонок Вилли попал в город нечаянно. А случилось это вот как. Раз в неделю садовник укладывал овощи в плетёную корзину и оставлял у ворот. Потом за ней приезжала двуколка.

Однажды Вилли пробрался в корзину через дырку, налопался зелёного гороху и забылся крепким сном.

Он проснулся в испуге: корзину качнуло, её подняли и поставили на двуколку. Потом оглушительно зацокали копыта, стало жутко трясти, и Вилли трясся от страха среди перепуганных баклажанов и огурцов. К тому же в двуколку то и дело кидали какие-то тяжёлые тюки и посылки.

Наконец двуколка остановилась, корзину взяли, отнесли в дом и поставили на пол. Повариха дала вознице

монетку в шесть пенсов и хлопнула дверью, а двуколка укатилась, грохоча по мостовой. Но тишина всё не наступала, за окнами дребезжали колёса экипажей, лаяли собаки, кричали мальчишки, хохотала повариха, вверх-вниз по лестнице топала служанка и, как паровозный гудок, свистела канарейка.

Городской шум до смерти напугал Вилли, привыкшего к тиши в саду.

А повариха откинула крышку корзины и принялась распаковывать овощи. Тут Вилли и выпрыгнул наружу.

— Мышь! — взвизгнула повариха. — Кошку сюда! Кочергу! Сара, давай сюда кочергу!

Вилли не стал дожидаться, когда появится Сара с кочергой, и бросился бежать вдоль плинтуса. Он сразу же нашёл щёлку, проскочил в неё и сорвался куда-то вниз.

Пролетев с полфута, он хлопнулся прямо на праздничный стол, накрытый для званого обеда, и разбил три рюмки. За столом — во фраках и при белых галстуках — сидели мыши.

— Это ещё кто такой? — возмутился Джонни Горожанин. Но он быстро узнал земляка — оба были родом с одной фермы, только Вилли родился в саду, а Джонни Горожанин — на кухне, в шкафу. Джонни церемонно представил своего друга из деревни девяти уважаемым гостям с длинными хвостами. К сожалению,

у деревенского мышонка хвостик был несолидный. Джонни Горожанин с друзьями сразу заметили это. Но воспитание не позволяло им делиться подобными наблюдениями. Впрочем, один из гостей спросил, не случалось ли Вилли побывать в мышеловке.

Обед состоял из восьми блюд. Ничего такого-эдакого не подавалось, но обед был по-настоящему элегантный.

Вилли впервые видел все эти блюда и потому даже боялся прикасаться к ним, но ему очень хотелось есть и очень хотелось держаться как принято в обществе.

Непрерывный шум сверху так тревожил Вилли, что он ненароком уронил тарелку на пол.

— Не беспокойся, это не наши тарелки,—остановил его Джонни Горожанин, когда Вилли собирался нагнуться.

— Скоро принесут десерт,—пригубив вина, проговорил Горожанин.— Наши мальчики что-то задерживаются.

И в самом деле, мышата-официанты после подачи очередного блюда мчались наверх, на кухню, и устраивали там весёлую беготню. То и дело они с хохотом и визгом скатывались вниз по лестнице. С ужасом Вилли узнал, что там, наверху, за ними гоняется кошка. Ему стало дурно, и у него пропал аппетит.

— Отведай желе,—заботливо предложил Джонни Горожанин.

— Мне больше ничего не хочется, спасибо,—вяло поблагодарил Вилли.

— Нет? Может, тебе прилечь? У нас найдётся замечательное местечко для отдыха и ночлега — в диванной подушке. Там есть дырочка, чтобы забраться внутрь,—исключительно для дорогих гостей.

К сожалению, от дивана несло кошкой, и Вилли предпочёл провести тревожную ночь в камине, спрятавшись под решёткой.

Следующий день был во многом похож на первый.

Был подан прекрасный завтрак — для мышей, которые привыкли завтракать копчёной свиной грудинкой — беконом. Но Вилли с детства питался корешками и салатом.

Днём Джонни Горожанин с друзьями шумно веселились за плинтусом, а вечером бесстрашно вышли из подполья. Когда служанка Сара их увидела, она поскользнулась на лестнице и уронила поднос — чашки, ложки, чайник и сахарница со звоном полетели на ступеньки. И, словно в доме не было кошки, мыши кинулись подбирать крошки, сахар, джем.

Вилли мечтал снова оказаться дома, на солнечном пригорке, в покое. Городской шум не давал спать, еда не шла впрок. За несколько дней он исхудал и осунулся.

— Что-то ты неважно выглядишь, — заметил Джонни Горожанин и стал расспрашивать. А потом спросил про сад:

— По-моему, там довольно скучно. Что ты делаешь, когда идёт дождь?

— Когда идёт дождь, сижу в песчаной норке и лущу пшеничные зёрна из осенних запасов. А выглянешь — по лужайке прыгают дрозды, вороны и мой друг дрозд Робин. Но какая красота, когда снова выходит солнце! Я очень люблю наш сад и цветы — розы, гвоздики, анютины глазки... И никто там не шумит, только поют птицы и жужжат пчёлы, а на лугу пасутся овечки.

— Кошка идёт! — воскликнул Джонни Горожанин. Они спрятались в угольном ящике и продолжили разговор. — Признаться, я несколько разочарован, Вилли, — сказал Горожанин. — Мы старались развлечь тебя изо всех сил.

— Большое спасибо, Джонни, вы все были очень добры ко мне. Но я чувствую себя прескверно.

— Вероятно, твои зубы и желудок не привычны к нашей еде. Может, тебя надо посадить обратно в корзину.

— Ну что ты! — пискнул Вилли.

— Ты не понял. Мы могли отправить тебя домой в той корзине ещё на прошлой неделе, — раздражённо проговорил Горожанин. — Разве ты не знаешь, что каждую субботу пустую корзину отвозят обратно в деревню?

Итак, Вилли попрощался с новыми друзьями, приготовил на дорогу кусочек печенья и сморщенный капустный лист, незаметно забрался в корзину и после долгой тряски благополучно прибыл в свой любимый сад.

...Иногда по субботам он подходил к стоявшей у ворот плетёной корзине — залезать в неё не хотелось. Но и из корзины никто не вылезал, хотя Джонни, кажется, обещал, что приедет в гости.

Миновала зима, Вилли вышел из норки погреть хвостик на солнышке, понюхать фиалки и весеннюю траву.

Он уже почти забыл, что когда-то ездил в город..

И вдруг на песчаной тропинке, в фиолетовом фраке, остроносых лакированных штиблетах, в безукоризненно белых носках и белом галстуке, с кожаным саквояжем в руке — появился мышонок Джонни Горожанин!

Вилли встретил его с распростёртыми объятиями.

— Как я рад тебя видеть! — воскликнул деревенский мышонок. — Ты приехал в самое лучшее время года. У нас на обед травяной пудинг, а потом погреемся на солнышке.

— Гм! Сыровато здесь у вас, — заметил Джонни Горожанин.

Хвост он держал под мышкой, чтобы не волочить по земле и не перепачкать в грязи. Вдруг он вздрогнул:

— Какой ужасный рёв!

— Ах, это? — не сразу понял Вилли. — Это всего лишь корова. Пойду спрошу у неё молока. Корова, знаешь, совершенно безобидна. Впрочем, надо следить, чтобы она не легла на тебя сверху — случайно, конечно. Как поживают твои друзья?

Горожанин не стал распространяться о друзьях, но рассказал, почему приехал в самом начале весны, а не позже, когда погода устоится. Дело в том, что семья на Пасху уехала к морю, и повариха устроила генеральную уборку: она получила особое задание выгнать мышей. В доме появилось четверо котят, и кошка сожрала канарейку.

— Винят нас, — но я-то знаю, кто это сделал, — повторил Джонни Горожанин. — А что теперь затарachtело?

— Это просто механическая косилка. Я принесу срезанной травы для твоей постели. По-моему, тебе лучше переехать в деревню, Джонни.

— Гм.. Посмотрим, подождём до следующего вторника. Корзину возить не будут, пока они отдыхают у моря.

— Я уверен, тебе больше не захочется возвращаться в город, — сказал Вилли.

Но Джонни уехал. Уехал с самой первой корзиной.

— Не поминай лихом, дружище, — сказал он, — но слишком уж у вас тихо!

На вкус и на цвет товарища нет. Кстати, и я, как Вилли, больше люблю деревню.

Беатриса Поттер родилась в 1866 году и жила традиционно замкнутой жизнью викторианской девушки в зажиточном доме. Она не ходила в школу, родители наняли ей гувернантку, поэтому у неё было мало возможностей общаться с другими детьми. Её единственный брат Бертрам был на шесть лет моложе — он проводил много времени в школе, и она оставалась одна с ручными животными, которых держала в своей классной комнате. Часами она наблюдала за ними и искусно их рисовала. Каждое лето отец Беатрисы снимал дом в деревне, вначале в Шотландии, а потом в Озёрном крае. В эти продолжительные каникулы Беатриса с Бертрамом смогли много узнать о природе, растениях и животных.

Путь Беатрисы Поттер как писательницы и художницы начался в 1902 году, когда издатель Фредерик Уорн напечатал «Сказку про Кролика Питера». До этого несколько издательств отказались от маленькой книжки, но читателю она полюбилась сразу же. Вплоть до 1910 года Беатриса сочиняла, рисовала и публиковала в среднем по две книжки в год. Гонорары дали ей некоторую независимость, хотя всё ещё она жила вместе с родителями. В 1905 году издатель Беатрисы Норман Уорн сделал ей предложение. Несмотря на возражения родителей (они считали его «книготорговцем», стоящим ниже их по положению), Беатриса согласилась. Но всё закончилось печально: через несколько недель он умер от злокачественного малокровия. В тот самый год она купила землю в Озёрном крае — ферму Хилл Топ в деревне Сорей. После смерти Нормана Уорна она старалась проводить там как можно больше времени. Виды фермы и природы вокруг стали появляться в иллюстрациях к её книжкам, и некоторые из её лучших иллюстраций изображают пейзажи Озёрного края, которые так и остались без перемен по сей день.

В 1918 году, в возрасте сорока семи лет, Беатриса вышла замуж за местного нотариуса Вильяма Хилиса и стала жить в деревне Сорей постоянно. Теперь она уже меньше рисовала и писала, а занималась сельским хозяйством, овцеводством, покупала участки прекрасного Озёрного края ради их сохранения в первоизданном виде. В последние тридцать лет жизни сельское хозяйство и борьба за сохранение земли стали её главной заботой. Она умерла в 1948 году и завещала государству 4000 акров земли и 15 ферм. Она была удивительная женщина с поистине оригинальным воображением, с незаурядным талантом художника и писателя.

В настоящее время её сказки издаются миллионными тиражами, они переведены на пятнадцать языков и приносят радость детям по всему миру. Но особенно они популярны в англоязычных странах, в Англии и в США. Большинство ныне взрослых англичан и американцев знают и любят Кролика Питера и лягушонка Джереми Фишера, как своих близких и давних друзей.

SOBD

10674287

журнала «Семья и школа»

Павла Корчагина, 7

Андреев. Верстка: Л. Абрамова

Рудового Красного Знамени

сним комбинатом

2800 город Чехов Московской области

етная. Печатных листов 5 (условных — 8,40)

из 1114. Тираж 60 000 экземпляров

Детская Библиотека «Семьи и Школы»

Вышли из печати

Николай Носов
Приключения Незнайки и его друзей.
Незнайка в Солнечном городе

Дж. Свифт
Путешествия Гулливера

Алексей Толстой
Золотой ключик
или Приключения Буратино

Л. Фрэнк Баум
Сказки Страны Оз

Лидия Чарская
Три слезинки королевы

Людвик Ежи Керн
Фердинанд Великолепный.
Проснись, Фердинанд!

Готовятся к печати

Тусе Янссон
Муми-тролль и все остальные
(Четыре сказочные повести:
Муми-тролль и комета,
Шляпа Волшебника,
Мемуары Муми-папы,
Опасный канун)

Жорж Санд
Королева Квакуша
(Из «Бабушкиных сказок»)

Шарль Перро
Подарки феи
(Сказки)

Ханс Кристиан Андерсен
Сказки и легенды